

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4(18)
2018**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2018

*Технический редактор
С. В. Шумов*

*Автор перевода
Я. В. Зайчиков*

*Верстка оригинал-макета:
С. В. Шумов*

*На 4-й полосе обложки
размещена фотография
Е. Осиповой*

*За точность
и добросовестность сведений,
изложенных в статьях,
ответственность
несут авторы*

*Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

*Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203*

*Адрес электронной почты:
vestnikvlg.u.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 26.12.2018

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 8,5
Тираж 1000 экз.
Заказ № 52/4*

*Отпечатано
в ООО «Издательство
"Шерлок-пресс"»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 36а*

**Редакционная коллегия серии
«Юридические науки»**

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>С. Ж. Айдарбаев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>А. А. Богустов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Груздев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Л. В. Лазарева</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>С. С. Новиков</i>	доктор исторических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>М. Н. Раджабов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

ISSN 2313-6936

Academic journal

BULLETIN

Published since 2014

**4(18)
2018**

OF VLADIMIR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER ALEXANDER
AND NIKOLAY STOLETOVS

«Law science» edition

Founder Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs»

*The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communication July 28, 2014.*

ПИ № ФС 77-58743

*The journal is included in RSCI system (Russian Science Citation Index)
powered by elibrary.ru*

The journal is peer-reviewed scientific subscription publication

Subscription Index of Russian press Catalogue «Russian post» – 73656

© Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education «Vladimir State
University named after Alexander
and Nikolay Stoletovs», 2018.

Technical editor

S.V. Shumov

Translation:
Y.V. Zaychikov

Lead out of make-up page:
S.V. Shumov

The photo of E. Osipova
is on the 4th cover page

For the correctness
and work ethics
of the information stated
in the articles the authors
are responsible.

Founder address:
600000, Vladimir,
Gorkogo Str., 87

Editorial Office address:
600005, Vladimir,
Studencheskaya Str., 8, 203
e-mail:
vestnikvlgu.pravo@mail.ru
tel.: +7 (4922) 47-76-01

Signed for printing 26.12.2018

Format 60×84/8
Conventional printed sheet 8,5
Circulation 1000 copies
Order № 52/4

Printed by
OOO «Publishing company
”Sherlok-press”»
600001, Vladimir,
Studionaya Gora Str., 36a

Editorial board

of «Law science» edition

- R.B. Golovkin** – Doctor of Law, professor
(Chief Editor)
- M.V. Novikov** – PhD (Law), associate professor
(Deputy Chief Editor)
- S.J. Aydarbaev** – Doctor of Law, professor
- V.M. Baranov** – Doctor of Law, professor
- V.V. Bogatyrev** – Doctor of Law, associate professor
- A. A. Boguslov** – PhD (Law), associate professor
- I.D. Borisova** – Doctor of Law, professor
- N.A. Vlasenko** – Doctor of Law, professor
- V.V. Gruzdev** – Doctor of Law, professor
- O.V. Isaenkova** – Doctor of Law, professor
- A.V. Kudryavcev** – Doctor of Law, associate professor
- L.V. Lazareva** – Doctor of Law, professor
- S.S. Novikov** – Doctor of History,
associate professor
- I.I. Oleynik** – Doctor of Law, professor
- M.N. Radzhabov** – PhD (Law), associate professor
- T.A. Tkachuk** – Doctor of Law, professor
- O.D. Tretjakova** – Doctor of Law, associate professor
- Y.V. Zaychikov** – Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кабанов Вячеслав Алексеевич <i>Психологические детерминанты коррупционных действий лиц, занимающих коррупционно-опасные должности</i>	7	Kabanov Vyacheslav A. <i>Psychological Determinants of Corrupt Actions of Persons Occupying Corrupt Positions</i>
Каламкарян Рубен Амаякович <i>Место и роль международного суда ООН в современном миропорядке</i>	12	Kalamkaryan Ruben A. <i>The Place and Role of the UN International Court in the Modern World Order</i>
Каляшин Андрей Владимирович, Карпов Олег Вячеславович <i>Формы участия органов местного самоуправления в охране общественного порядка</i>	21	Kalyashin Andrej V., Karpov Oleg V., <i>Forms of Participation of Local Governments in Protection of Public Order</i>
Марков Андрей Михайлович <i>Право и нравственность</i>	26	Markov Andrej M. <i>Law and Morality</i>
Новиков Сергей Степанович <i>Миссия ООН в Восточной Славонии (к 20-летию окончания самой успешной миротворческой операции ООН)</i>	32	Novikov Sergej S. <i>UN mission in Eastern Slavonia (to the 20th Anniversary of the End of the Most Successful UN Peacekeeping Operation)</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Валентик Марина Сергеевна, Кулакова Анна Александровна <i>Фактические браки и проблемы их правового регулирования в Российской Федерации</i>	37	Valentik Marina S., Kulakova A.A. <i>De Facto Marriage and Problems of It's Regulation by Law in the Russian Federation</i>
Михайлов Алексей Евгеньевич <i>Сущность минимизации и ликвидации последствий правонарушений (на примере противодействия коррупции)</i>	42	Mikhajlov Aleksej E. <i>The Essence of the Minimization and Elimination of Consequences of Violations (for Example of Corruption)</i>
Неряхин Артём Игоревич <i>Международно-правовые и конституционные стандарты, гарантирующие право на защиту при производстве дознания в сокращенной форме</i>	46	Neryakhin Artyom I. <i>International Legal and Constitutional Standards Guaranteeing the Right to Defense in the Production of an Inquiry in a Reduced Form</i>

Пикин Иван Викторович, Гаджиев Джамидин Татжитдинович <i>Криминологическая характеристика преступности против здоровья в местах лишения свободы</i>	52	Pikin Ivan V., Gadzhiev Dzhamidin T. <i>Criminological Characteristics of Crimes Against Health in Places of Deprivation of Liberty</i>
Яковлев Андрей Алексеевич, Звонов Андрей Викторович <i>Наказание без изоляции от общества: аналитический обзор (по материалам уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по Владимирской области)</i>	56	Yakovlev Andrej A., Zvonov Andrej V. <i>Punishment without Isolation from Society: Analytical Review (based on the Materials of the Criminal-executive Inspection of the FPS of the Vladimir Region)</i>
Овчинников Алексей Юрьевич <i>Значение рукопашного боя как служебно-прикладного вида спорта для несения профессиональной службы в уголовно-исполнительной системе</i>	60	Ovchinnikov Aleksej Yu. <i>The Significance of Hand-to-hand Combat as a Service-applied Sport for Professional Service in the Penal System</i>
Ахмедов Микаэль Насреддинович <i>Отчет о проведении международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы публичного права»</i>	63	Akhmedov Mikae'f N. <i>Report on the Conduct of the International Scientific and Practical Conference «Actual Problems of Public Law»</i>
<i>Сведения об авторах</i>	66	<i>Information about authors</i>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 343.01

Кабанов Вячеслав Алексеевич

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ КОРРУПЦИОННО-ОПАСНЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу множества факторов и детерминант коррупционного поведения должностных лиц. Рассмотрены основные результаты исследований последних лет в направлении изучения коррупционной мотивации, а также дается авторская трактовка взаимосвязи коррупционных действий и особенностей личности фигурантов уголовных дел по ст. 285, 286, 290, 291, 201, 204 УК РФ.

Ключевые слова: коррупционно-опасные должности, мотивация, уголовный кодекс, психология коррупции.

Kabanov Vyacheslav A.,

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF CORRUPT ACTIONS OF PERSONS OCCUPYING CORRUPT POSITIONS

Abstract. This article is devoted to the analysis of a variety of factors and determinants of corrupt behavior of officials. The article discusses the main results of recent studies in the direction of studying corruption motivation, and also provides the author's interpretation of the relationship between corruption actions and personality traits of criminal cases under articles of the Criminal Code 285, 286, 290, 291, 201, 204.

Key words: corruption-dangerous positions, motivation, Criminal Code, psychology of corruption.

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дается следующее определение коррупции: «Коррупцией считается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц; либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими фи-

зическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица».

Определений терминов «коррупция», «коррупционное поведение», «коррупционное деяние» существует огромное количество, но так или иначе в каждом из этих определений есть четкая линия общественного осуждения подобных действий. Иными словами, коррупция – это отрицательное явление для общества. Хотя для отдельных лиц это источник довольно безбедного существования, которое, однако, сопряжено со значительным риском. Наказание – этот метод воздействия одинаково хорошо применим к любому человеку. Еще с детства родители прививают детям определенные ассоциации процедуры наказания с конкретными действиями – и эти

действия в обществе (а в отношениях с родителями общество – это семья) считаются плохими и губительными. Например, родители наказывают ребенка за громкие крики во время игры. Но все ли родители поступают так? Далеко не все. В одной семье принято громко кричать и разговаривать, в другой – нет. В одной семье принято курить, в другой – категорически нет. В одной семье родители могут себе позволить мелкое воровство, в другой это возводится в разряд смертного греха. Подобные рассуждения наталкивают на мысль о том, что корни отношения человека к возможности совершить неодобряемый поступок лежат еще в раннем детстве.

Однако мы не можем допустить мысль о том, что только детство и воспитание определяют суть противоправного поведения, в том числе и коррупционные действия конкретного человека. Несомненно, любой человек, который решился на взятку или на злоупотребление служебным положением, руководствуется целой группой мотивов, нередко сугубо рациональных. Некоторые фигуранты уголовных дел коррупционного спектра и вовсе не считают свои преступления чем-то неправильным или противозаконным, так как для них совершение коррупционных действий является нормой и даже правилом.

М. С. Лютова и Г. И. Корчагина разработали специфическую структуру мотивации коррупционера-маргинала, которая включает в себя множество компонентов и факторов, в частности, целеполагание и идентичность субъекта¹. В этих понятиях кроется сложная и запутанная структура принятия инди-

видом решения о совершении коррупционного деяния.

Все явления коррупции в российском законодательстве определяются преимущественно следующими статьями УК РФ: злоупотребление служебным положением (ст. 285 и 286 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

Очевидно, что каждая статья УК РФ определяет наказание в зависимости от состава преступления. Мы предполагаем, что состав преступления по отдельным статьям взаимосвязан с конкретным преобладающим коррупционным мотивом фигуранта уголовного дела. Опираясь на данную гипотезу, мы провели исследование на базе администрации г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, в котором задействовали 12 работников администрации, занимающих так называемые коррупционно-опасные должности, и 12 работников рядовых должностей. Работники прошли процедуру психологической диагностики с использованием методики И. Г. Сенина «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ)². На рисунке представлены полученные нами результаты.

Представленный график наглядно свидетельствует о том, что в целом у испытуемых обеих групп терминальные ценности развиты на разных уровнях. Более высокий уровень каждой из исследуемых ценностей выявлен у работников, находящихся на коррупционно-опасных должностях. Средние значения выявлены у работников рядовых должностей по шкале «соб-

¹ Лютова М. С., Корчагина Г. И. Профессионально-личностные детерминанты коррупционного поведения профессионала // Концепт. 2016. Т. 32. С. 110–117.

² Опросник терминальных ценностей. Тест «ОТеЦ» И. Г. Сенина. URL: www.mgpprusopv.narod.ru/oprostm.doc (дата обращения: 12.02.2018).

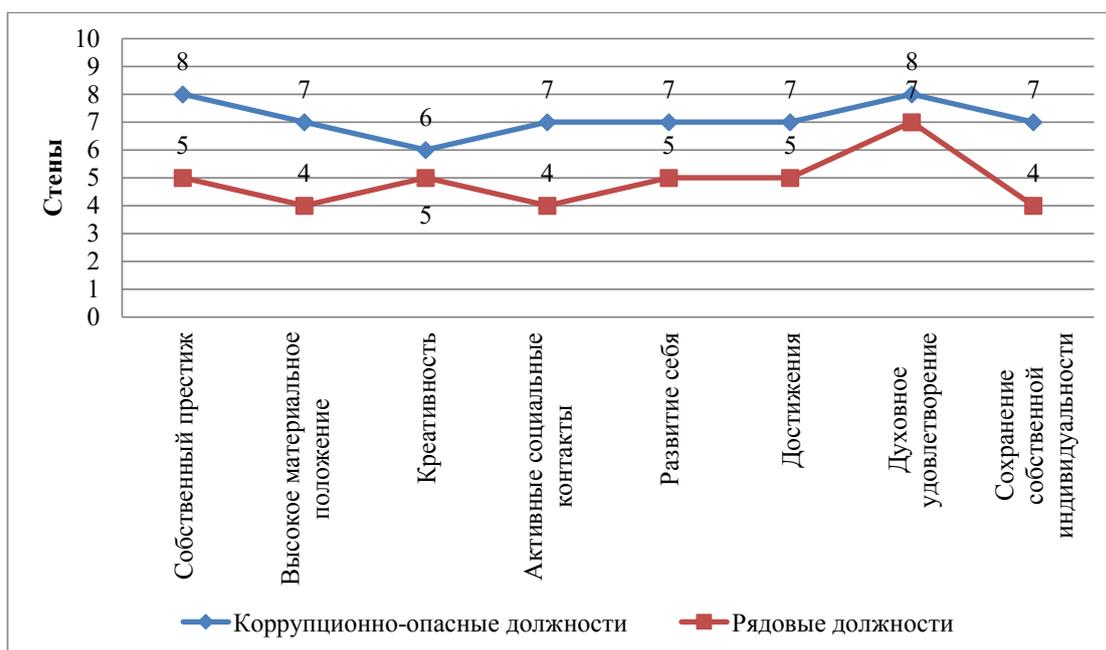
ственный престиж» (5 стенов). Более значима данная ценность для работников коррупционно-опасной группы – для них важнее уважение и одобрение со стороны других (8 стенов), что, вероятно, они и пытаются подчеркнуть, выполняя сложные и ответственные задачи. В отличие от них, рядовые сотрудники в меньшей степени прислушиваются к чьему-то мнению или суждению, ориентируясь в равной степени на свои и побочные суждения, а также поступки и взгляды.

На нижней границе нормы (4 стена) можно наблюдать выраженность показателей ценности «высокое материальное положение» у работников рядовых должностей, что объясняет тенденцию испытуемых указанной группы к убежденности, что материальное благо-

нов). Материальный достаток для них является гарантом собственной значимости и фактором увеличения самооценки, что, по всей видимости, может считаться определенным коррупциогенным риском.

Средняя значимость ценности «креативность» выявлена среди испытуемых обеих групп (5–6 стенов). Работники общей выборочной совокупности склонны к нестандартным и оригинальным решениям, иногда способны использовать творческий подход в работе. Испытуемые обеих исследуемых групп часто стремятся избегать стереотипов и разнообразить собственную жизнь, внося в нее нечто новое и оригинальное.

Принципиально иная ситуация наблюдается и в отношении ценности



Терминальные ценности сотрудников, занимающих коррупционно-опасные и рядовые должности

получение нельзя абсолютно считать главной целью и смыслом их жизни. Существенно важнее рассматриваемая терминальная ценность оказалась для работников, находящихся на коррупционно-опасных должностях (7 сте-

«активные социальные контакты». У работников рядовых должностей наблюдается тенденция к осторожности, осмотрительности, а порой и к негативизму в отношении коммуникативных контактов с другими людьми (4

стена). Работники коррупционно-опасных должностей в большей степени стремятся к созданию благоприятных взаимоотношений с окружающими, увеличивая круг своего общения (7 стенов).

Ценность «развитие себя» является значимой для работников коррупционно-опасных должностей и находится на верхней планке нормы (7 стенов). Этот факт свидетельствует о заинтересованности работников в правдивой информации о себе, а также о множестве сторон своей личности. Они стремятся к самосовершенствованию, полагая, что потенциальные способности и перспективы человека практически не конечны, и личности необходимо добиваться максимально полной реализации данных возможностей. Для работников рядовых должностей данная терминальная ценность имеет меньшую значимость (5 стенов), что отражает тенденцию к уверенности в себе, в правильности собственного мнения и действий, свидетельствующую об отсутствии желания менять собственные взгляды на жизнь, об устоявшихся мнениях и об удовлетворенности актуальным уровнем развития.

Существенное расхождение в 2 стена отмечается в выраженности средних значений ценности «достижения» в исследуемых группах. Работники рядовых должностей показали значение в рамках узкой нормы по данному параметру (5 стенов). Напротив, работники коррупционно-опасных должностей продемонстрировали тенденцию к высокой значимости данной ценности (7 стенов), что соотносится с уже проанализированным распределением выраженности ценности «развитие себя». То есть для работников коррупционно-опасных должностей принципиально

важно иметь достижения в личной и профессиональной жизни, что, вероятно, и выражается в высоких профессиональных и карьерных амбициях.

Ценность «духовное удовлетворение» важна в обеих исследуемых группах. На графике заметно небольшое расхождение в выраженности данной ценности: работники коррупционно-опасных должностей показали высокий уровень значимости духовного удовлетворения (8 стенов), а вторая группа показала лишь тенденцию к высокой значимости указанной терминальной ценности (7 стенов). По нашему мнению, для обеих исследуемых групп практически в равной степени важно получать духовное удовлетворение от жизни, и это, скорее всего, не связано лишь со стремлением участвовать в коррупционных схемах, так как данная ценность является общечеловеческой.

Завершает перечень предложенных в опроснике ОТеЦ терминальных ценностей шкала «сохранение собственной индивидуальности». Выраженность рассматриваемой ценности отличается между средними значениями в исследуемых группах. Мы можем видеть на графике две противоположные тенденции. Работники коррупционно-опасных должностей имеют тенденцию к высокой значимости сохранения собственной индивидуальности (7 стенов). По всей вероятности, для них важно (как и в случае с ценностями «развитие себя» и «достижения») выделиться и казаться неповторимыми индивидуальностями, не затеряться в общей массе людей. Напротив, работники рядовых должностей полагают, что сохранять собственную индивидуальность не так важно, и

не делают на этом акцент – у них отмечена тенденция к низкой значимости рассматриваемой ценности (4 стена).

Итак, по итогам исследования терминальных ценностей работников коррупционно-опасных должностей и рядовых работников можно сделать вывод, что личностные особенности мотивационного спектра группы ра-

ботников, занимающих коррупционно-опасные должности, могут лечь в основу совершения коррупционных деяний, в частности, высокое материальное положение и собственный престиж являются наиболее уязвимыми потребностями человека, когда перед ним стоит искушение получить материальную выгоду.

Библиографический список

1. Лютова М. С. Профессионально-личностные детерминанты коррупционного поведения профессионала / М. С. Лютова, Г. И. Корчагина // Концепт. – 2016. – Т. 32. – С. 110–117.

2. Опросник терминальных ценностей. Тест «ОТеЦ» И. Г. Сенина. – Режим доступа: www.mgppusopv.narod.ru/oprostm.doc.

References

1. Lyutova M. S., Korchagina G. I. Professional and Personal Determinants of Professional Corruption Behavior. *Koncept*. 2016. Vol. 32. P. 110–117.

2. Questionnaire of Terminal Values. Test «ОТеС» I. G. Senina. URL: www.mgppusopv.narod.ru/oprostm.doc.

УДК 341.61

Каламкарян Рубен Амаякович

МЕСТО И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН В СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ

Аннотация. В работе анализируется деятельность Международного суда по обеспечению юридической безопасности государств – членов ООН.

Ключевые слова: Российская Федерация, Международный суд, обеспечение юридической безопасности государств – членов ООН.

Kalamkaryan Ruben A.

THE PLACE AND ROLE OF THE UN INTERNATIONAL COURT IN THE MODERN WORLD ORDER

Abstract. The work shows of activity of the International Court to the course of enforcement of the juridical security of states – members of the United Nations.

Key words: the Russian Federation, International Court, enforcement of the juridical security of states – members of the United Nations.

Позиционирование России в формате заявленной приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., Декларация о пяти принципах внешней политики 2008 г.) свидетельствует о содействии России Международному Суду по осуществлению им своей функции по отправлению международного правосудия по линии обеспечения юридической безопасности государств – членов Организации Объединенных Наций (далее: ООН). Юридическая безопасность в своем академическом и прикладном плане понимается как совокупность субъективных прав и законных интересов государств. Осуществляя свою деятельность по разрешению межгосударственных споров, Международный суд ООН тем самым выполняет функцию по обеспечению права в плане его выполнимости в режиме добросовестного соблюдения международных обязательств государ-

ствами – ООН. Соответственно обеспечивается и юридическая безопасность государств, коль скоро разрешение межгосударственных споров содействует обеспечению субъективных прав и законных интересов государств – членов мирового сообщества. Таким образом, через процедуру разрешения межгосударственных споров Международный суд как главный судебный орган ООН содействует поддержанию универсальной юридической безопасности мирового сообщества.

Включенность Международного суда ООН в формат миропорядка на основе верховенства прав *Rule of Law* (это предусматривается такими универсально принятыми документами, как Декларация тысячелетия 2000 г. и Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) определяется его ролью как главного судебного органа ООН, призванного через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута Международного суда ООН (далее: Статут)) содейство-

вать мирному разрешению споров (ст. 33 Устава ООН).

Международный суд ООН как орган международного правосудия, который знает права (*jura novit curia*), выносит в режиме юридического равенства заявителя (призванного представить доказательства в поддержку своей позиции при условии отказа в принятии его дела по факту непредставления надлежащих доказательств – *actore non probante reus absolvitur*) и ответчика (*audiatur at altera pars*) окончательное решение, юридически обязательное для участвующих в деле сторон (*res judicata*).

Позиционная значимость Международного суда ООН определяется его ролью в деле поддержания юридической безопасности государств – членов мирового сообщества, когда суд как орган по обеспечению права через выносимое им решение по делу содействует защите субъективных прав и законных интересов государств. «К ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Организации Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями», – так Статут в п. 1 ст. 36 определяет круг компетенции Международного суда ООН. По факту передачи дела суду суд, вне зависимости от характера спора, призван через применение всей источниковой базы международного права согласно п. 1 ст. 38 Статута (основные источники: международные конвенции, международный обычай, общие принципы права; вспомогательные источники: судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) или на основе справедливости *ex aequo et bono* (по согласию сторон) разрешить

спор, вынести надлежащее решение и перенести взаимные отношения сторон в разряд нормальности и доверительности. При этом Международный суд ООН как орган международного правосудия в силу запрета *non-liquet* не может отказаться вынести решение за неясностью или отсутствием подлежащей применению нормы права (ст. 11 Образцовых правил арбитражного процесса, принятых Комиссией международного права ООН в 1958 г.).

Подтверждение значимости Международного суда как главного судебного органа ООН в концептуальном плане сопрягается с предложением расширения субъектного состава участников спорной юрисдикции суда за счет включения суда международных организаций и индивидов. Способ достижения обозначенной цели выстраивается через создание в рамках ООН специального комитета с полномочиями вспомогательного органа ООН по обеспечению включенности международных организаций и индивидов в процесс судебного разбирательства по линии спорной юрисдикции. В этом направлении в ходе проведенного международного симпозиума по тематике «Судебное урегулирование международных споров» (Гейдельберг, ФРГ, 10–12 июля 1972 г.) высказались профессор Р.-Ж. Дюпьи, С. Бастид, Р. Л. Бургенталь, Р. Я. Дженнингс¹.

Между тем сама природа Международного суда как главного судебного органа ООН (универсальной международной организации, где ее членами по Уставу являются только государства)

¹ Judicial Settlement of International Disputes: International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law / ed. by H. Mosler, R. Bernard. Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 72–73, 68, 48.

свидетельствует об однозначности заключения, что субъектами судебного разбирательства по спорной юрисдикции выступают исключительно государства. Пункт 1 ст. 34 Статута гласит: «Только государства могут быть сторонами по делу, разбираемому судом». Будучи нормоустанавливающим документом, в соответствии с которым действует Международный суд ООН, Статут (как неотъемлемая часть Устава ООН) предусматривает возможность обращения в суд именно для государств, являющихся участниками данного Статута (п. 1 ст. 35). Возможность обращения с соответствующим заявлением в Международный суд ООН допускается и для «других государств», однако она определяется каждый раз специально на основе постановления Совета Безопасности ООН, с учетом соблюдения особых положений, содержащихся в действующих договорах (п. 2. ст. 35 Статута). Расходная часть ведения дела в Международном суде для государства, не состоящего членом ООН, определяется судом в специальном порядке (п.3 ст.35).

Предписание востребованности разрешения межгосударственных споров через посредство Международного суда ООН параллельно с этим допускает включенность в процесс разбирательства в суде главных и других органов ООН, а также специализированных учреждений. Однако речь здесь идет не о спорной юрисдикции, а о консультативной юрисдикции. Положения ст. 96 Устава ООН, а также гл. IV Статута (ст. 65–68) посвящены институту консультативных заключений Международного суда. Запрос по линии орган ООН – Международный суд ООН в одном случае идет от имени Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, а в другом случае – от имени других органов ООН и ее специа-

лизированных учреждений (с разрешения Генеральной Ассамблеи). Предметом запроса о консультативном заключении согласно Уставу ООН и Статуту является «любой юридический вопрос» так же, как предметом спорной юрисдикции Международного суда ООН опять-таки согласно Уставу ООН являются «споры юридического характера». Между тем известно, что согласно общепризнанному принципу о запрете *non-liquet*¹ суд как орган правосудия не может отказываться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Тем самым суд принимает к рассмотрению любые споры и любые вопросы, переданные ему сторонами для разбирательства. В практике Международного суда ООН никогда не было разделения споров и вопросов, с которыми к нему обратились субъекты международного права, на юридические и политические. Все споры и все вопросы, поступившие в суд в соответствии с его Статутом, принимаются к рассмотрению и по ним выносятся решения или консультативное заключение.

В то время, как государства и международные организации, каждая сама по себе, могут в соответствии со Статутом обращаться за решением или консультативным заключением, сталкивать их в суде в рамках спорной юрисдикции по предмету «правомерности», недопустимости *ultra vires* постановлений международной организации (как это предполагает, например, профессор

¹ International Law: Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. London; New York; Melbourne, 1985. Vol. 2, pt. 1. P. 231–237 ; Oppenheim's International Law / ed. by R. Jennings, A. Watts. 9th ed. London, 1992. Vol. 1. P. 13 ; Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London; Toronto, 1953. P. 16, 18, 260.

Парижского университета С. Бастид)¹ представляется неприемлемым. Международный суд ООН, как справедливо отмечают ученые (профессора Ш. Розенн, К. Й. Парш, Г. Стейбергер)², не может брать на себя функции конституционного суда. Действительно, Международный суд ООН был учрежден как главный судебный орган ООН именно в качестве органа международного правосудия, где сторонами дела могут быть только государства. В этом смысле верховенство права *Rule of Law* как основополагающее звено всей конструкции международного судебного разбирательства прямо предписывает востребованность разрешения межгосударственных споров именно через Международный суд ООН.

Включенность Международного суда в дело нормального (в смысле поступательного) развития современного миропорядка определяется его ролью по обеспечению выполняемости норм международного права на основе принципа добросовестности.

Право как позитив должного поведения государств действует в режиме предписания добросовестного соблюдения государствами своих международных обязательств и санкционирования по обстоятельствам их нарушения. Для Международного суда ООН как главного судебного органа ООН его значимость проявляет себя через создание надлежащих условий для разрешения всех возникших межгосударственных споров по предмету выполнения государствами своих международных обязательств (вне зависимости от их происхождения: договорные или обычного порядка) исключительно в режиме принципа добросовестности. Международное право,

как известно, предусматривает ответственность не только за прямое нарушение, но и за недобросовестное его соблюдение. Доктрина международного права (профессора Б. Ченг, Э. Золлер, Ш. Руссо, Х. Лаутерпахт, Л. Оппенгейм и др.)³, равно как и практика международных судебно-арбитражных органов (решения от 25 мая 1926 г. по делу о германских интересах в польской Верхней Силезии, решение от 28 ноября 1958 г. по делу о применении Конвенции 1902 г. о защите несовершеннолетних, решение от 6 апреля 1938 г. по делу о Трейл Сметте, решение 1992 г. по делу о тюленях Берингова моря)⁴ однозначно высказывается в пользу недопустимости злоупотребления правом. Государство может пользоваться своими субъективными правами в той степени, в какой оно не нарушает субъективных прав другого государства. Линия между добросовестным и недобросовестным использованием субъективными правами проходит по линии такого пользования субъективными правами, при котором не допускается нарушения обязательства по недопустимости нарушения субъективных прав другого государства. Возникший по факту злоупотребления правами спор подлежит передаче в Международный суд ООН для вынесения по нему обязательного для сторон решения в режиме *res judicata*.

³ Cheng B. Op. cit. P.105–163 ; Zoller E. La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977. P.109–122 ; Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. T.1. P. 382–384 ; International Law: Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Vol. 2. P. 47, 237, 268 378 ; Oppenheim's International Law. P. 38, 44.

⁴ Court Permanente De Justice Internationale. Ser. A. No. 7. P. 30 ; Court International of Justice (CIJ). Recueil 1958. P. 67 ; International Adjudications: Ancient and Modern. History and Documents / ed. by J. B. Moore. New York, 1929. Vol. 1. P.889–890.

¹ Judicial Settlement of International Disputes. P. 72–73.

² Ibid. P. 72,74, 245.

Международный суд ООН при вынесении своего решения не только использует весь уже наработанный позитив источниковой базы международного права (суд, как записано в консультативном заключении по делу о юридических последствиях для государств по факту присутствия ЮАР в Намибии от 21 июня 1971 г., «может действовать только на основе права»)¹, но и при этом уточняет, формирует новые нормы и принципы, констатирует создание международного обычая. Тем самым Международный суд ООН играет важную роль в прогрессивном развитии современного международного права и его институтов. Так, в решении от 18 декабря 1951 г. по англо-норвежскому делу о рыболовстве Международный суд ООН констатировал становление принципа прямых исходных линий при определении границы территориальных вод². Формулирование судом принципа прямых исходных линий в качестве новой обычной международно-правовой нормы произошло по факту ее признания международным сообществом. В то же время в решении от 20 февраля 1969 г. по делу о континентальном шельфе Северного моря Международный суд ООН высказался против факта существования или формирования новой обычной-правовой нормы в форме принципа равного отстояния при разграничении континентального шельфа³. И, наконец, в решении от 6 апреля 1955 г. по делу Ноттебома Международный суд ООН подтвердил факт формирования международной обычно-правовой нормы в форме принципа реальной или

эффективной связи при обосновании института гражданства⁴.

Приведенные примеры решений Международного суда ООН служат наглядной иллюстрацией роли и места суда в процессе прогрессивного развития международного права и его институтов. Констатация со стороны Международного суда ООН факта формирования нового принципа международного права проходит в объективном порядке наличия устоявшейся, длительной и непрерываемой практики и юридического убеждения государств – членов мирового сообщества в ее обязательности для себя (*opinion juris sive necessitatis*).

Решения Международного суда ООН, будучи способом констатации факта формирования новой международно-правовой нормы, сами (совместно с доктринами наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) служат в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм (ст. 38 Статута). Совместно с международными конвенциями, международным обычаем и общими принципами права, признанными цивилизованными нациями, судебные решения составляют собой источниковую базу современного международного права.

Качественный показатель вклада Международного суда в процесс прогрессивного развития международного права определяет себя постоянством действия, преемственностью происхождения судебного разбирательства, последовательностью в достижении справедливого решения дела.

Первым постоянно действующим международным судебным органом была учрежденная в 1922 г. Постоян-

¹ CIJ. Recueil 1971. P. 22.

² Op. cit. Recueil 1951. P. 116, 138–139.

³ Op. cit. Recueil 1969. P. 27–28.

⁴ Op. cit. Recueil 1955. P. 16–17, 20–21.

ная палата международного правосудия. Именно с этого периода мировое сообщество получило институционно-правовой орган международного правосудия, который осуществлял свою деятельность не от случая к случаю (как действует международный арбитраж), а в режиме постоянства. В то время, как международный арбитражный суд по делу Бетси¹, 1797 г. (между США и Великобританией) являл собой начало в мировой истории развития судебно-арбитражного производства, учреждение в 1922 г. Постоянной палаты международного правосудия означало начало режима постоянства в работе органа международного правосудия мирового сообщества. Учреждение в 1945 г. Международного суда как постоянно действующего главного судебного органа ООН определяло собой позитивное продолжение (в режиме преемства) деятельности Постоянной палаты международного правосудия. Дела, первоначально переданные в Постоянную палату международного правосудия, согласно ст. 37 Статута переходили в компетенцию Международного суда ООН. Мировое сообщество, предметно заинтересованное в успешном завершении всех дел, которые в первоначальном варианте были переданы в Постоянную палату международного правосудия, создало в форме постановлений ст. 37 Статута норму по автоматическому переходу дел из компетенции Постоянной палаты международного правосудия в компетенцию Международного суда ООН. Тем самым на практике был осуществлен общеизвестный принцип судебно-арбитражного производства по обеспечению непрерывности процесса.

Востребованность обеспечения фактора постоянства в деятельности международных судебных институтов вполне обоснованно была обозначено учеными (профессор Р. Й. Дженнингс) в качестве жизненно необходимой².

Значимость Международного суда ООН именно в аспекте миропорядка на основе верховенства права в юридической сущности суда как органа по обеспечению, толкованию, формулированию, прогрессивному развитию международного права показывает себя в реальном режиме. Государства вполне обоснованно выделяют судебную процедуру мирного разрешения споров, по сравнению с другими способами мирного разрешения споров согласно ст. 33 Устава ООН. Преимущества судебной процедуры состоят в создании условий для окончательного разрешения спора в режиме юридически обязательного постановления для сторон. Политические способы мирного разрешения спора (переговоры, посредничество, обследование, примирение), при всей очевидной положительности своей предметной направленности, по своей сути, не ориентированы на достижение юридически обязательного акта. Понимая это очевидное обстоятельство, государства при возникновении востребованности разрешения споров предпочитают судебную процедуру мирного разрешения спора, по сравнению, в частности, с посредничеством (*mediation*) и примирением (*conciliation*). Участвовавшие государства в Международном суде ООН с целью мирного разрешения споров сводит на нет всякие утверждения по поводу «упадка», «второстепенности» его роли в современной между-

¹ Zoller E. Op. cit. P. 34 ; Cheng B. Op. cit. P. 106, 107.

² Judicial Settlement of International Disputes. P. 37.

народной системе. Доводы профессора В. Моравецкого¹ в пользу «дисфункциональности» и «второстепенности» роли Международного суда ООН сводятся к заявлениям о неготовности государств принимать обязательную юрисдикцию суда, к жесткому и окончательному по своему характеру способу разрешения международных споров по обстоятельствам появления «победителя» и «побежденного». В то время, как суд предлагает «игру по принципу нулевой суммы» («*zero sum game*»), политические средства разрешения споров устанавливают, как утверждает В. Моравецкий, более гибкий и приемлемый вариант «игры по принципу не нулевой игры» («*non-zero sum game*»). Международный суд ООН по всем объективным показателям своей деятельности не только не находится в упадке, а наоборот, с каждым годом своей важной и направленной на обеспечение верховенства права деятельности усиливает (через увеличение числа переданных ему дел государствами) свою включенность в современный миропорядок. В этом смысле вполне обоснованно говорить о том, что Международный суд ООН на самом деле находится на подъеме. Такие ученые, как Б. Ченг, Ф. Капоторти, Ш. Розенн, Л. Гросс, Л. Оппенгейм, Р. Сзафарз, М. Ляхс² справедливо констатируют значимость Международного суда ООН в плане устранения споров из взаимных

отношений государств и введения их в русло сотрудничества, мирного взаимодействия и доверия. При этом в особом порядке вполне обоснованно обозначается роль Международного суда ООН в деле обеспечения верховенства права *Rule of Law* в современном миропорядке. Замечания профессоров Г. Голсонга и Р. Й. Дженнига по этому вопросу однозначно правильны, поскольку целиком вписываются в реальные параметры включенности Международного суда ООН в систему современных международных отношений³.

На общем фоне позитивности в восприятии значимости места и роли Международного суда ООН в современном миропорядке доктринальные утверждения о «второстепенности» суда, неприемлемости однозначного решения спора между государствами, «жесткости» и «бескомпромиссности» при нахождении пути урегулирования спорной ситуации требуют адекватного ответа с позиций современного международного права.

Дела возбуждаются в Международном суде ООН, нотификацией специального соглашения или письменным заявлением на имя секретаря суда (ст. 40 Статута). В обоих случаях требуется указание предмета спора (*petitum*) и сторон спора в режиме их юридического равенства (*audiatur et altera pars*).

Обращение в Международный суд ООН в своем сущностном юридическом восприятии нельзя никак рассматривать как недружественный акт. При любых случаях возбуждения дела в суде (нотификация специального соглашения или письменное заявление на имя секретаря) предварительное согласие сторон уже присутствует. Ведь именно согласи-

¹ Judicial Settlement of International Disputes. P. 49, 225–231.

² Cheng B. Op. cit. P. 336–387 ; Judicial Settlement of International Disputes. P. 50, 52, 54, 72 ; Oppenheim's International Law. P. 11, 14 ; Rosenne Sh. Intervention in the International Court of Justice. Dordrecht; Boston; London, 1993. P. 1–79 ; Szafarz R. The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. Dordrecht; Boston; London, 1993. P. 1–17.

³ Judicial Settlement of International Disputes. P. 42, 48, 52.

тельная основа составляет собой юридическое обоснование при возбуждении дела в Международном суде ООН. При обстоятельствах, когда изначально в суде наличествует заранее выраженное согласие сторон, факт обращения одной из сторон спора в суд и возбуждение по этому факту дела в суде следует в общепринятом понимании вещей расценивать исключительно как согласующееся с логикой права намерение уважающего право государства изыскать справедливое решение возникшего (с другим государством) спора. Международный суд ООН как независимый, беспристрастный орган международного правосудия, который знает право (*jura novit curia*), выносит в режиме юридического равенства сторон (*audiatur et altera pars*) через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута) обязательное для сторон окончательное решение в параметрах *res judicata*. Таким образом, вместо фактора недружественности из обращения в суд выходит позитив согласующегося с правом стремления содействовать поддержанию господства права *Rule of Law* в международных отношениях.

В постановочном плане факторы окончательности и обязательности, присутствующие в решении суда, никак не могут рассматриваться в своем юридическом понимании *pro* или *contra*. В решении беспристрастного и независимого органа международного правосудия, каким выступает по своей сути Международный суд ООН, нет «победителя» и «проигравшего» в обычном понимании этих слов. Есть институционально-правовой формат урегулирования спора, который должен быть разрешен навсегда и в конечном итоге получает свое надлежащее решение в соответствии с международным правом.

Утверждения о «преимуществах» политических средств разрешения спора (переговоры, обследование, посредничество, примирение) по обстоятельствам возможного присутствия в них компромиссных способов разрешения спора на самом деле с юридической точки зрения несостоятельны.

Достижение компромисса не есть неотъемлемый элемент политических средств решения спора. При обстоятельствах, когда при использовании политических средств решения международного спора включаются факторы привходящего политического характера, достигнутые договоренности в части урегулированности спора могут по истечении времени быть не соблюдены в силу новых политических реалий. «Ущербность» политических средств мирного разрешения споров определяется в силу фактора включенности непосредственно заинтересованных сторон (государств) в сам процесс урегулирования спора. Решение Международного суда ООН, напротив, носит окончательный характер и является юридически обязательным для сторон. До последнего времени все решения Международного суда ООН выполнялись, и поэтому юридических оснований для обращения к положениям п. 2 ст. 94 Статута не возникало. В ситуации, когда какая-нибудь сторона в деле не выполнит обязательства по факту вынесенного решения суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности ООН, который делает на этот счет свои рекомендации или принимает решение о принятии мер для приведения решения в исполнение. Авторитет Международного суда как главного судебного органа ООН и позитив применяемого им международного права вполне обоснованно сделали неостребованным применение со стороны госу-

дарств – сторон спора соответствующих (предусмотренных на случай невыполнения государством вынесенного судебного решения) постановлений Устава ООН.

Право и справедливость, составляя собой источниковую базу современного международного права (ст. 38 Статута), создают надлежащую основу для окончательного разрешения межгосударственных споров. Принцип запрета *non-liquet*, как известно, предписывает правило, согласно которому суд как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Завершенность пробле-

мы урегулирования международных споров в формате снятия проблемы неурегулированности спорной ситуации и поддержания юридической безопасности государств – членов ООН полностью вписывается в рамки внешнеполитического курса Российского государства по содействию поддержания верховенства права в системе современных международных отношений. Перевод спорной ситуации в режим дружественного взаимодействия государств – членов ООН выступает в качестве общей цели деятельности России на мировой арене как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Библиографический список

1. *Cheng B.* General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals / B. Cheng. – London : Stevens & Sons Ltd.; Toronto : Carswell Co., 1953. – 495 p.
2. International Adjudications: Ancient and Modern. History and Documents / ed. by J. B. Moore. – New York : Oxford Univ. Press, 1929. – Vol. 1. – 513 p.
3. International Law: Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. – London; New York; Melbourne : Cambridge Univ. Press, 1985. – Vol. 2, pt. 1. – 590 p.
4. Juridical Settlement of International Disputes: International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law / ed. by H. Mosler, R. Bernard. – Berlin; Heidelberg; New York : Springer, 1974. – 572 p.
5. Oppenheim's International Law / ed. by R. Jennings, A. Watts. – 9th ed. – London : Oxford Univ. Press, 1992. – Vol. 1. – 2887 p.
6. *Rosenne Sh.* Intervention in the International Court of Justice / Sh. Rosenne. – Dordrecht; Boston; London : Martinus Nijhoff Publ., 1993. – 361 p.
7. *Rousseau Ch.* Droit International Public / Ch. Rousseau. – Paris : Sirey, 1970. – T. 1. – 464 p.
8. *Safarz R.* The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice / R. Safarz. – Dordrecht; Boston; London : Martinus Nijhoff Publ., 1993. – 189 p.
9. *Zoller E.* La Bonne Foi en Droit International Public / E. Zoller. – Paris : A. Pedone, 1977. – 392 p.

References

1. *Cheng B.* General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London, Stevens & Sons Ltd., Toronto, Carswell Co., 1953. 495 p.
2. International Adjudications: Ancient and Modern. History and Documents / ed. by J. B. Moore. New York, Oxford University Press, 1929. Vol. 1. 513 p.
3. International Law: Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. London, New York, Melbourne, Cambridge University Press, 1985. Vol. 2. Pt. 1. 590 p.
4. Juridical Settlement of International Disputes: International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law. Ed. by H. Mosler, R. Bernard. Berlin, Heidelberg, New York, Springer, 1974. 572 p.
5. Oppenheim's International Law. Ed. by R. Jennings, A. Watts. 9th ed. London, Oxford University Press, 1992. Vol. 1. 2887 p.
6. *Rosenne Sh.* Intervention in the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, Martinus Nijhoff Publishers, 1993. 361 p.
7. *Rousseau Ch.* Droit International Public. Paris, Sirey, 1970. T. 1. 464 p.
8. *Safarz R.* The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, Martinus Nijhoff Publishers, 1993. 189 p.
9. *Zoller E.* La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, A. Pedone, 1977. 392 p.

Каляшин Андрей Владимирович,
Карпов Олег Вячеславович

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Аннотация. В статье исследованы различные формы участия органов местного самоуправления по охране общественного на территориях муниципальных образований. На основе анализа правовых норм, законопроекта, обобщения практического опыта сделаны теоретические умозаключения, связанные с проблемами и перспективами создания муниципальной милиции в муниципальном районе и городском округе.

Ключевые слова: охрана, общественный порядок, местное самоуправление, территория, муниципальный район, городской округ, муниципальная милиция.

Kalyashin Andrej V.,
Karpov Oleg V.,

FORMS OF PARTICIPATION OF LOCAL GOVERNMENTS IN PROTECTION OF PUBLIC ORDER

Abstract. In the article are investigated various forms of the participation of the organs of local self-guidance on the protection of public in the territories of municipal formations. The theoretical conclusions, connected with problems and prospects of creating the municipal police in the municipal region and urban district, are made on the basis of the analysis of right standards, bill, generalization of practical experience.

Key words: protection, social order, local self-guidance, territory, municipal region, the urban district, the municipal police.

Общественный порядок, являясь элементом правопорядка в обществе, относится к одной из важных составных частей правовой основы жизнедеятельности граждан. Эффективное осуществление правоохранительной функции по охране общественного порядка относится к одному из неперемennых условий решения целого ряда общегосударственных задач, а именно – укрепление законности обеспечение безопасности личности, правопорядка и др.

Решение задач по охране общественного порядка должно реализовываться на федеральном и муниципальных

уровнях. В частности, в ч. 1 ст. 132 Конституции РФ установлено следующее: «Органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка». При этом сегодня функция охраны общественного порядка полностью реализуется федеральными органами государственной власти, что не отражает конституционные положения.

Рассматриваемое несоответствие в Российской Федерации образовалось в 2011 г., в связи с произошедшей монополизацией охраны общественного порядка, входящей составной частью в единую централизованную систему Министерства внутренних дел Россий-

ской Федерации (далее: МВД России), вновь созданной на базе милиции – полицией. Существовавшая ранее практика функционирования двух видов российской милиции – криминальной и общественной безопасности – в период с 1991 по 2011 г. не привела к желаемым положительным результатам в сфере охраны общественного порядка.

В итоге проведенных реформ в структуру федерального органа исполнительной власти, ведающего вопросами внутренних дел (полиции), вошли все подразделения, которые раньше составляли основу милиции общественной безопасности: патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, исполнения административного законодательства и целого ряда других подразделений. Концентрация властных полномочий на федеральном уровне привело к тому, что региональные власти и органы местного самоуправления отдалились от управления органами охраны правопорядка, а также снизился порог их ответственности за состояние общественного порядка на вверенных им территориях.

Таким образом, и до 2011 г. и после ситуация по охране общественного порядка оказалась далека от идеальной. Если говорить о дне настоящем, то введение строгой вертикальной структуры полицейской системы способствовало полному отрешению органов местного самоуправления от возможности реализовывать полномочия в сфере общественного порядка. Данная ситуация не отражает настоящего федеративного устройства страны и фактически не берет во внимание наличие в сфере охраны общественного порядка местного самоуправления как одной

из конституционных форм организации публичной власти.

Кроме обозначенной нерешенной проблемы, важно отметить наличие образовавшегося вследствие сосредоточения властных полномочий в федеральном органе власти правового вакуума по вопросам *исполнения законов субъектов Российской Федерации в сфере охраны общественного порядка*.

Решение данного комплекса проблем видится в исполнении норм Конституции РФ и развивающего конституционные положения Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: Федеральный закон № 131-ФЗ).

В соответствии с данными нормами установлены две формы участия органов местного самоуправления в охране общественного порядка:

- 1) на профессиональной основе;
- 2) на общественных началах.

Профессиональная форма участия связана с организацией охраны общественного порядка на территории муниципального района и городского округа муниципальной милицией (п. 8 ч. 1 ст. 15 и п. 9 ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ). Необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с абз. 3 ч. 3 ст. 83 этого же нормативного акта указанные положения вступают в силу в сроки, установленные федеральным законодательным актом, определяющим порядок организации и деятельности муниципальной милиции.

Форма участия на общественных началах состоит в создании в поселениях и городских округах условий для деятельности добровольных формиро-

ваний населения по охране общественного порядка (п. 33 ч. 1 ст. 14 и п. 37 ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ).

По причине отсутствия федерального закона, определяющего порядок организации и деятельности муниципальной милиции, исследуемая профессиональная форма по охране общественного порядка органами местного самоуправления до настоящего времени не реализована.

В то же время пробел в правовом регулировании не говорит о том, что работа по созданию муниципальной милиции не велась и не ведется. Совсем наоборот.

В последние годы по формированию муниципальных правоохранительных структур была проведена большая теоретическая, практическая и законодательная творческая работа.

Исследуя данную проблему, ученые обосновали тезис о невозможности подмены полиции муниципальной милицией и сформулировали основные направления, которые будут реализовывать в своей деятельности именно подразделения муниципальной милиции. Суть их сводится к охране общественного порядка и профилактике правонарушений на территории муниципального образования.

В соответствии с Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 802 «О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка» на практике предпринимались попытки по созданию муниципальной милиции. Был установлен трехмесячный срок на подготовку соответствующего законопроекта. В сентябре 1997 г. для решения вопроса Советом по местному самоуправлению при Президенте РФ была создана рабочая группа по

осуществлению данного нормативно-правового акта. Впоследствии был принят Указ Президента РФ от 17 сентября 1998 г. № 1115 «О проведении в ряде муниципальных образований эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления».

В 10 субъектах РФ в эксперименте принимали участие подразделения милиции 87 муниципальных образований общей численностью около 9 тыс. чел. Итоги эксперимента показали, что к выполнению функций по охране общественного порядка оказались не готовы ни субъекты Федерации, ни муниципальные образования.

Вопрос по возобновлению работы по созданию муниципальной милиции неоднократно обсуждался в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, а также прорабатывался в МВД России.

В результате для достижения цели реализации конституционных положений о действительном участии органов местного самоуправления в осуществлении охраны общественного порядка на своей территории, а также создания надлежащих законодательных условий для формирования муниципальной милиции был подготовлен проект Федерального закона № 385-7 «О муниципальной милиции в Российской Федерации»¹.

Проект Федерального закона № 385-7 предложено распространить на общественные отношения, связанные

¹ О муниципальной милиции в Российской Федерации: проект федер. закона фракции политической партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе / С. М. Миронов [и др.] ; под общ. ред. Т. Н. Москальковой. М., 2015. 240 с.

с организацией и деятельностью муниципальной милиции в России.

Муниципальная милиция в данном законопроекте определена как муниципальный орган, предназначенный осуществлять охрану общественного порядка на территории муниципального образования в пределах своих полномочий и выполнять предусмотренные законами другие задачи по защите личности, общества и государства. Исключением является охрана общественного порядка полицией в городах федерального значения (Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе), в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах.

Базовые положения, заложенные в проекте Федерального закона № 385-7, состоят в следующем:

1) муниципальная милиция создается по решению представительного органа муниципального образования, является самостоятельным органом и не входит в состав образования;

2) в состав муниципальной милиции входят патрульно-постовая служба, участковые, инспектора по делам несовершеннолетних и др.;

3) часть должностей (начальник муниципальной милиции и участковые) замещаются путем избрания населением и могут быть отозваны или удалены в отставку;

4) удаление участкового возможно и иным способом (по решению депутатов муниципального образования, главы муниципального образования, схода граждан, обратившегося к депутатам).

Внесенный в 2016 г. проект Федерального закона № 385-7 «О муниципальной милиции в Российской

Федерации» законодательным органом был отклонен.

В своем заключении на законопроект Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления аргументировал следующие соображения, связанные в первую очередь с преждевременностью создания данной структуры:

– в законопроекте не разграничены полномочия полиции и муниципальной милиции именно в вопросах охраны общественного порядка. В случае дублирования и пересечения функций может возникнуть проблема практического правоприменения;

– не решен вопрос об источниках финансирования муниципальной милиции;

– отсутствует пакет законодательных актов, требующих отмены или изменения в связи с принятием закона.

Важно также отметить следующие нерешенные вопросы:

1) ст. 23 проекта Федерального закона № 385-7 определяет службу в муниципальной милиции как разновидность муниципальной службы, при этом Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» такой вид профессионально-служебной деятельности не предусматривает;

2) в финансово-экономическом обосновании законопроекта не содержатся расчеты, отражающие и обосновывающие дополнительные расходы бюджетов, источники их покрытия;

3) проектом Федерального закона № 385-7 не предусматривается переходного периода и эксперимента по созданию муниципальной милиции в ряде регионов.

В заключение отметим следующее: есть вероятность того, что инициатива по созданию муниципальной милиции, которая идет «сверху», в конце концов будет доведена до логического завершения. Вместе с тем очевидно, что успех этого начинания невозможен без решения целого ряда проблем, главной из которых является вопрос финансирования муниципальной милиции.

Возникает вопрос, где основной мас-се и так не слишком состоятельных муниципальных образований получить финансирование на поддержку муниципальной милиции. По нашему мнению, на начальном этапе может помочь как целевое финансирование из региональных и федеральных бюджетов, так и перераспределение налоговых поступлений с тем, чтобы подкрепить новые траты соответствующими финансами.

Библиографический список

1. Алешкова Н. П. Проблемы реализации конституционной нормы о самостоятельности осуществления охраны общественного порядка органами местного самоуправления / Н. П. Алешкова // Муницип. служба: правовые вопр. – 2014. – № 1. – С. 6–9.
2. Баликоева Л. М. Полномочия органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Баликоева Лариса Мурадиновна. – М., 2013. – 32 с.
3. Жерновой М. В. К вопросу о создании муниципальной милиции в России / М. В. Жерновой, А. Н. Сухаренко // Рос. юстиция. – 2014. – № 9. – С. 45–48.
4. О муниципальной милиции в Российской Федерации: проект федер. закона № 385-7 фракции политической партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе / С. М. Миرون [и др.] ; под общ. ред. Т. Н. Москальковой. М. : Ключ-С, 2015. – 240 с.

References

1. Aleshkova N. P. Problems of the Implementation of the Constitutional Norm on the Independence of the Implementation of the Protection of Public Order by Local Governments. *Municipal'naya Sluzhba: Pravovy'e Voprosy'*. 2014. No. 1. P. 6–9.
2. Balikoeva L. M. Powers of Local Governments to Ensure Law and Order. M., 2013. 32 p.
3. Zhernovoj M. V., Sukharenko A. N. On the Issue of Creating a Municipal Police in Russia. *Rossijskaya Yusticiya*. 2014. No. 9. P. 45–48.
4. Mironov S. M., Emel'yanov M. V., Zubov V. M. et al. On the Municipal Police in the Russian Federation: the Project Feder. of Law No. 385-7 of the «Spravedlivaya Rossiya» Political Party Faction in the State Duma. Ed. by T. N. Moskal'kova. M., Klyuch-S, 2015. 240 p.

УДК 34.09

Марков Андрей Михайлович

ПРАВО И НРАВСТВЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается взаимозависимость права, морали, нравственности и воспитания как основных социальных регуляторов, их влияние на общественное поведение человека.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, правопослушное поведение, социальные регуляторы.

Markov Andrej M.,

LAW AND MORALITY

Abstract. The article considers the interdependence of law, morality, morality and education as the main social regulators, their influence on the social behaviour of man.

Key words: law, morality, ethic, law-abiding behavior, the social regulators.

Право, наряду с обычаями, моралью, религиозными, иными социальными нормами, регулирует поведение человека в обществе и взаимоотношения между людьми. Как отметил историк права Н. Л. Дювернуа, «история права начинается гораздо раньше появления каких-либо законодательных актов». Существует несколько подходов к определению понятия «право». В Большой советской энциклопедии право определяется как *совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия*. Согласно либертарно-юридической концепции, право – это *единство равной для всех нормы и меры свободы и справедливости*. В противоположность позитивистской теории, школа естественного права рассматривает право как совокупность принципов, вытекающих из естественной природы человека: право на жизнь, свободу, волеизъявление. В русском языке сло-

во «право» созвучно слову «правда», употребляемом в значении «истина». Древнейший источник права России также назывался «Русская правда». Несмотря на различие точек зрения по проблеме правопонимания, можно сказать, что право неразрывно связано с личностью каждого человека либо как мера его возможностей поступать определенным образом (альтернативное поведение), либо как обязанность воздержаться от определенных действий.

Нормы права являются универсальным регулятором общественных отношений, охватывая большинство социальных связей в обществе. Однако для того, чтобы правовое регулирование было наиболее эффективным, правовые нормы, на наш взгляд, должны отвечать двум условиям.

Во-первых, они должны быть справедливыми, т. е. соответствовать принципам равенства всех перед законом, обеспечивать гарантии жизнедеятельности и надежный уровень социальной защищенности, удовлетворять интересы всех членов общества.

Во-вторых, все члены общества должны обладать высоким правосознанием, которое включает в себя устойчивые положительные социальные установки, толерантность, осознание необходимости ограничения собственных интересов, правопослушное поведение.

Анализируя эти условия с точки зрения их применения к жизни общества, можно прийти к следующим выводам.

Справедливость как философско-этическая категория содержит в себе требования адекватной оценки тех или иных действий, должное воздаяние как за благие дела, так и за преступление. Равенство всех перед законом провозглашается, как правило, в Основном законе страны. Наряду с этим, реализация законов иногда сводится к индивидуальному их восприятию или использованию в личных целях теми, на кого возложена обязанность их применения. В настоящее время складывается практика регламентации применения законов многочисленными инструкциями, письмами, разъяснениями, которые нередко по своей сути вступают в противоречие со смыслом регламентируемого ими нормативного акта. Некоторые нормативные акты предполагают альтернативные варианты применения содержащихся в них правовых норм по «внутреннему убеждению», усмотрению правоприменителя. Такая свобода в реализации правовых норм требует от субъекта правоприменения не только высокого профессионализма, юридических познаний, но и предъявляет повышенные требования к нравственным принципам, чувству справедливости, отсутствию корпоративного или личного интереса. К сожалению, общество не достигло еще такого уровня нрав-

ственного развития, при котором субъективные факторы не могут диктовать принятие определенных решений. В итоге при схожих жизненных ситуациях результаты правоприменительной практики имеют весьма неодинаковые правовые последствия. Отсюда следует, что декларативно-формальный принцип равенства всех перед законом требует установления механизма (как правового, так и нравственного) для его реализации.

Правовые нормы должны способствовать стабильности и поддержанию правопорядка в обществе, а значит, служить гарантом социальной защищенности населения. Вместе с тем правотворчество, как показывает история, лишь тогда способствует эволюции социальных отношений, когда «зерно легло в уже подготовленную почву», т. е. послы законов должны соответствовать экономической составляющей общественных отношений и сложившимся нравственным, национальным устоям, менталитету населения. На практике нередки примеры таких несоответствий, что приводит к невозможности их применения.

Реализация функции обеспечения социальных гарантий посредством правовых норм исходит, как правило, из наличия финансовой возможности государства. Таким образом, сталкиваемся с тем обстоятельством, что качество и полнота этих гарантий непосредственно зависят от уровня экономического развития общества, богатства страны. Основатели исторического материализма полагали, что достижение высшей формы организации общества – коммунизма возможно при условии высокого уровня развития способа производства: «...не сознание людей определяет их бытие,

а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Право является отражением состояния общества. Именно это обстоятельство послужило поводом для заявления, сделанного Ш. Монтескье: «...когда я поеду в правовое государство, я спрошу не про то, какие там есть законы, а про то, как эти законы работают и воплощаются в жизнь».

Еще более сложным представляется выполнение требования об удовлетворении посредством применения норм права интересов всех членов общества. Основоположник идей анархо-индивидуализма М. Штирнер писал: «Как себе самому принадлежащий и творец своего права я не признаю иного источника права, кроме себя самого». На генетическом уровне в человеке заложен инстинкт самосохранения, который трансформируется в такую черту характера, как эгоизм. В этом нет ничего плохого, поскольку эгоизм в древние времена позволял выжить сильнейшим, что способствовало эволюции человечества. Но, как известно, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». В связи с этим каждый сталкивается с дилеммой сохранения баланса между удовлетворением своих интересов и необходимостью соблюдения прав других членов общества. Штирнер призывал избавиться от всяких ограничений для самих себя, в образе жизни сообразуясь лишь со своими собственными интересами. Тем самым он хотел, чтобы сам человек был мерилком своих поступков, жил свободно от ограничений, навязанных ему обществом, властью, религией. Высказанная идея весьма привлекательна, но интересы у всех разные и нередко реализуемые интересы одного противоречат или нарушают интересы другого – возникает конфликт, в котором

победит тот, кто сильнее (физически, властно или финансово). В итоге победитель навязет свою волю побежденному, для которого его жизнь уже не будет воплощением его интересов.

Естественно, что при разнообразии, а порой, и противоречии интересов индивидуумов право должно обеспечивать максимальную реализацию их способностей при сохранении свободы в выборе формы поведения других лиц.

Говоря об эффективности правового регулирования, необходимо иметь в виду, что правопослушное поведение, т. е. соблюдение установленных правовых норм, не может быть основано на страхе наступления санкций за их нарушение. Его фундаментом, прежде всего, является внутреннее убеждение в необходимости поступать именно таким образом, каким предписывают эти нормы. Когда представление о «правильности» поведения наиболее соответствует требованиям закона, тогда отсутствует необходимость в применении мер государственного принуждения для обеспечения его соблюдения.

На право нельзя возлагать несбыточных надежд. Нормы права должны регулировать уже устоявшиеся в обществе «нормальные», или обычные, отношения. Безусловно, право должно быть выражением стремления к улучшению жизни общества, к созданию, прежде всего, нравственных установок внутри самого человека, осознанию необходимости ограничений своего поведения. Однако нормы права не являются панацеей для избавления общества от недостатков и пороков. Право не может быть эффективным в отрыве от правосознания, условий воспитания, социальных мероприятий и экономической жизни людей. Лишь совокупность всех инструментов об-

щественной регуляции может дать желаемый результат. Проявление такого вида деформации правосознания, как правовой идеализм также вредно для формирования конструктивного правового поля, как и правовой нигилизм.

Из этого следует, что, с одной стороны, критерием оценки правовых норм должна быть их справедливость, а с другой – нравственные принципы, мораль общества должны быть достаточно высоки, чтобы правопослушное поведение было естественной потребностью людей.

В научной среде приняты несколько видов классификации такого поведения. Л. П. Рассказов выделяет по форме выражения *активное поведение* (совершение действий, предписанных правовыми нормами) и *пассивное поведение* (воздержание от запрещенных действий). По мотивам поведения он различает: а) *маргинальное поведение* – поведение, соответствующее праву из-за боязни государственного принуждения; б) *конформистское поведение* (например, пассивное соблюдение личностью норм права с целью получения собственной выгоды); в) *привычное поведение* – действия в силу образовавшейся привычки, не противоречащей праву; социально активное поведение, направленное на решение социальных задач и основанное на целесообразности правомерного поведения.

В этой связи представляется интересной следующая мысль профессора В. К. Самигуллина: если признать, что законы могут быть правовыми и неправовыми, то с какой стати того, кто бездумно следует требованиям неправовых законов, нужно считать носителем высокого правосознания. Однако нельзя согласиться с тем, что законы могут быть неправовыми, если они легитимны, приняты в соответствии с

установленной государством процедурой. Можно говорить об их несправедливости, выраженности в них интересов определенного круга лиц, дискриминационности, но не об их неправовом характере. Высокое правосознание требует соответствующего уровня правовых норм. Вместе с тем и наличие таких норм еще не свидетельствует о высоком уровне правосознания общества.

К. С. Аксаков когда-то говорил, что «дух закона» чужд русскому народу. Наша нация привыкла жить по церковным заповедям, ей свойственны соборность и патриархальность. Сухой буквы закона народ русский не приемлет в принципе, предпочитая лучше решить дело «полюбовно», поговорив по душам, чем следовать предписаниям норм права. На такой неблагодарной почве законности прижиться гораздо труднее, чем в тех же странах Западной Европы. Возможно, сказывается также и наследие советского периода, когда политико-правовая система была построена на искусственности лозунгов, идей и принципов, которые не имели ничего общего с реальной действительностью.

Мораль, являясь квинтэссенцией общественного сознания, формировалась на всем протяжении развития человеческого общества. Заслуживает внимание мнение ряда ученых о том, что мораль выработана эволюцией, методом естественного отбора для ограничения индивидуальных, эгоистических проявлений в поведении людей, которые могли разрушить прогрессивные формы группового выживания. Выше говорилось о том, что эгоизм сильнейших являлся «двигателем» человеческой цивилизации. В общинах лучшие воины становились вождями, от которых часто зависело ее выживание. Наряду с этим, из наиболее

уважаемых членов общины создавались советы старейшин, функции которых впоследствии трансформировались в представительные органы, что привело к разделению власти и, по выражению Ш. Монтескье, служило образованию системы «сдержек и противовесов» единой власти. Например, в римской общине существовал своеобразный нравственный контроль, которому община могла подвергать отдельных граждан или своей непосредственной властью или через уполномоченных лиц. Круг рассматриваемых вопросов был широк: от применения древних римских законов против роскоши до преследования за безнравственный образ жизни. Наказанием служило наложение денежных пеней или изъятие домашних животных.

Выполняя функцию социальных регуляторов, и право, и мораль обеспечивают упорядочение общественных отношений. Вместе с тем мораль имеет более глубокие корни в процессе становления человеческой цивилизации, более прочную основу при выборе линии поведения, поскольку формирование системы ценностей, или желательных правил поведения позволяло выжить и отдельному человеку, и общине в целом. «В своей первой и самой непонятной форме нравственность проявляется как привычка. Поступать по обычаям и привычкам своей страны, значит, быть нравственным».

Теоретики идей анархизма фундаментальной концепцией своей теории называли принципы справедливости и свободы. Отрицая наличие природного эгоизма в людях, полагали, что стремление к общественно полезному труду и созданию благ для потребления всем обществом можно воспитать в человеке.

Человек является существом социальным, его жизнь в обществе подчине-

на правилам поведения, сложившимся на основе обычаев, традиций, нравственных устоев, религиозных норм, корпоративных установок, правовых норм и т. д. В первые годы жизни ребенок получает от родителей и лиц, его окружающих, уроки того, как надо «себя вести», что такое «хорошо» и что такое «плохо». Обучаясь правилам поведения, ребенок сравнивает модели поведения в своей семье с поведением сверстников, с требованиями к поведению в учебном заведении, а в последнее время – с информацией в интернет-сообществе. Таким способом происходит проецирование заложенных в него моральных принципов на их практическую реализацию.

Поведение человека в обществе формируется в начале жизни и корректируется окружающей средой. В этот период ребенок не имеет представления о законах, но его поведение так или иначе находится под влиянием общепринятых правил поведения – либо он соглашается с ними, либо пренебрегает ими, осознавая необходимость нести за их несоблюдение негативные последствия.

Как справедливо отметила Е. О. Филиппова, «несмотря на относительную кратковременность несовершеннолетия, этот период практически определяет дальнейшую судьбу каждого человека, так как именно в подростковом возрасте преимущественно происходит завершение формирования характера и становление личности при активном влиянии социальной среды, ближайшего окружения и общества в целом». Действительно, нравственные принципы, заложенные в детстве на уровне подсознания и влияющие на выбор действия, не нуждаются во внешнем принудительном воздействии. Профессор Р. Б. Головкин также полагает, что

«человек выстраивает свои взаимоотношения с другими людьми на основе базовых стереотипов поведения, заложенных программой социализации и воспитания и корректируемых индивидуально-ситуативными моментами».

Имеющие место проявления в обществе агрессии, нетерпимости, экстремизма вызваны в том числе и наметившимся социальным креном в сторону приоритета индивидуализма, непониманием или игнорированием правил общежития. Глубокие провалы в системе воспитания, переоценка ценностей и социальные потрясения, имевшие место в 90-х гг. прошлого века, дают негативные результаты сегодня. В качестве иллюстрации можно привести реакцию законодателя на участвовавшие случаи нарушения Правил

дорожного движения с тяжкими последствиями, которая выразилась в ужесточении санкций за преступления в сфере безопасности дорожного движения и во введении новой нормы УК РФ, предусматривающей ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Безопасное, комфортное проживание в социальной среде, возможность реализации своих интересов, не нарушающих права и свободы других членов общества, требует своевременного законодательного реагирования на негативные проявления в социуме, выработку четкого, отлаженного и единообразного механизма правоприменения, комплексного подхода к формированию правопослушного поведения.

Библиографический список

1. Аксаков К. С. Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков ; сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. – М. : Современник, 1981. 384 с.
2. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н. Л. Дювернуа. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 419 с.
3. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 12. – С. 99–105.
4. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1959. – Т. 13. – 771 с.
5. Монтескье Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избр. произведения. – М. : Госполитиздат, 1955. – 803 с.
6. Рассказов Л. П. Теория государства и права / Л. П. Рассказов. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2008. – 559 с.
7. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер ; пер. с нем. Б. В. Гиммельфарба, М. Л. Гохшиллера. – СПб. : Азбука, 2001. – 444 с.

References

1. Aksakov K. S., Aksakov I. S. Literary Criticism. M., Sovremennik, 1981. 384 p.
2. Dyuvernuia N. L. Sources of Law and Court in Ancient Russia. Experiments on the History of Russian Civil Law. SPb., Yuridicheskij Centr Press, 2004. 419 p.
3. Lenin V. I. Party Organization and Party Literature. *Full Composition of Writings*. 5th ed. M., Politizdat, 1968. P. 99–105.
4. Marks K. To Criticism of Political Economy. Foreword. *Marks K, E'ngel's F. Writings*. 2nd ed. M., Politizdat, 1959. Vol. 13. 771 p.
5. Montesk'e Sh. On the Spirit of the Laws. *Selected Works*. M., Gospolitizdat, 1955. 803 p.
6. Rasskazov L. P. Theory of State and Law. M., RIOR, INFRA-M, 2008. 559 p.
7. Shtirner M. Sole and His Property. SPb., Azbuka, 2001. 444 p.

УДК 341.018

Новиков Сергей Степанович,

МИССИЯ ООН В ВОСТОЧНОЙ СЛАВОНИИ (К 20-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ САМОЙ УСПЕШНОЙ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ООН)

Аннотация. Автор рассматривает скоординированную деятельность международного сообщества на основе международного права по разрешению вооруженного конфликта на территории Восточной Славонии (Хорватия). Даны рекомендации по успешному использованию различных компонентов миссии ООН в будущих миротворческих операциях.

Ключевые слова: гражданская война, ООН, бывшая Югославия, миротворческая операция.

Novikov Sergej S.,

UN MISSION IN EASTERN SLAVONIA (TO THE 20TH ANNIVERSARY OF THE END OF THE MOST SUCCESSFUL UN PEACEKEEPING OPERATION)

Abstract. The author considers the coordinated activities of the international community on the basis of international law to resolve the armed conflict in the territory of Eastern Slavonia (Croatia). Recommendations were made on the successful use of various components of the UN mission in future peacekeeping operations.

Key words: civil war, UN, former Yugoslavia, peacekeeping operation.

С 1989 г., когда¹ Хорватия (первая из республик СФРЮ) продекларировала свою независимость и была признана большинством стран Западной Европы, начался активный распад бывшей Югославии. Процесс сопровождался кровавыми событиями и жертвами среди населения (в 1991 г. – до 100 тыс. чел.). Большинство инцидентов происходило на фоне ухода соединений и частей армии СФРЮ и попыток местной власти овладеть вооружением, техникой и имуществом. Несмотря на потерю времени и инициативы, ООН в 1991 г. смогла сформулировать мандат и послать контингент в три наиболее опасные республики: Хорватию, Боснию и Герцеговину, Македонию.

Одной из самых удачных миротворческих операций ООН считается ВАО-ОНВС – Временная администрация ООН в Восточной Славонии, Западном

Среме и Баранье (далее: UNTAES) (январь 1996 – январь 1998 гг.). Наряду с военным компонентом ООН, дипломатическим корпусом, представителями различных международных организаций, важную роль сыграли и международные полицейские силы ООН (600 чел.), в составе которых находились и представители России.

С 16 января по 15 октября 1998 г. в придунайском районе Хорватии учреждается последняя миссия ООН на территории этого государства – Группа ООН по поддержке гражданской полиции.

Мандат UNTAES был относительно определеннее, чем большинство мандатов других операций по поддержанию мира. Он основывался на Основном соглашении (далее: Соглашение), достигнутом сторонами, – достаточно кратком документе. Его краткость является, с одной стороны, преимуществом, которое сделало мандат точным, но, с другой –

недостатком, так как в нем не разъяснялось, как он должен быть выполнен. Мандат, в частности, предписывал: осуществлять контроль и помогать в демилитаризации региона в течение 30 дней; контролировать добровольное возвращение беженцев и перемещенных лиц; обеспечивать мир и безопасность региона; создать и обучить Временные полицейские силы (далее: ВПС); организовать выборы местных органов власти; предпринять меры по оказанию помощи гражданской администрации в функционировании коммунальных служб; контролировать взятые на себя сторонами обязательства по уважению и соблюдению прав человека и фундаментальных свобод; создать атмосферу доверия среди местных жителей независимо от их этнической принадлежности; осуществлять контроль и оказывать помощь в разминировании региона.

Одной из особенностей UNTAES была мощная поддержка, полученная от Совета Безопасности. Поддержка Контактной группы также была важным фактором успеха миссии. В результате этого в случаях несоблюдения Соглашения хорватами было возможно давление на них международного сообщества, что явилось эффективной мерой. Было четко заявлено, что Хорватия не будет получать ссуды от Международного валютного фонда и Всемирного банка, если она откажется выполнять пункты Соглашения. Эти финансовые институты не выделяли ссуды Хорватии без того, чтобы не принять во внимание выполнение обязательств Хорватии взятых на себя обязательства. Существовало убеждение, что желание Хорватии получить уважение в Европе и признание в Ев-

ропейском союзе будет являться стимулом для выполнения Соглашения.

Миссия ООН в Восточной Славонии имела более чем адекватные ресурсы – оборудование, деньги и персонал, чтобы выполнить свой мандат. Главным образом, это произошло потому, что UNTAES принял имущество Сил Мира ООН (UNPF), которое послужило хорошим стартом в становлении миссии. Доступность ресурсов, высокая степень ее укомплектованности являются одним из существенных признаков UNTAES. Однако ресурсов по обеспечению операции пограничных наблюдателей и ВПС было недостаточно.

В начале развертывания миссии численность сил была следующей: 5 000 военнослужащих, 100 военных наблюдателей, 600 гражданских полицейских, 317 чел. из числа международного гражданского персонала и 686 чел. из числа местного населения с опытом работы в сфере политики, гражданских дел, юриспруденции и общественной информации.

Начальная стадия создания миссии не обошлась без проблем. Возник большой временной пробел между принятием Советом Безопасности резолюции, уполномочивающей учреждение миссии в январе 1996 г., и одобрением бюджета для UNTAES. Фактическое финансирование началось лишь в июле 1996 г., когда уже половина гражданского персонала была развернута на территории Придунайской области. Некоторые компоненты миссии, включая административную часть, прибыли через несколько месяцев после создания штаба миссии. Главный администратор прибыл в регион лишь через четыре месяца после начала ее развертывания. В течение первых шести месяцев миссия

не имела главного финансового чиновника. Руководитель службы интегрированных услуг поддержки прибыл через восемь месяцев после начала действия мандата и через три месяца – после полного развертывания военного компонента. Из-за нехватки гражданского персонала международные сотрудники должны были работать по две смены. В результате возникли проблемы по транспортировке военных контингентов, которые должны были быть развернуты в миссии в пределах короткого отрезка времени.

Трудности миссии заключались в следующем: неспособность обеспечить военные поставки в течение первых 60–90 дней; задержка в передаче необходимого имущества, оборудования связи и транспортных средств от UNPF к UNTAES; позднее прибытие персонала для таких важных компонентов миссии, как управление собственностью, хозяйственное управление, инспекционное управление, снабжение и финансы.

Как следствие этого, миссия понесла материальные потери, получила непригодное к эксплуатации оборудование и подвергла персонал риску. В результате, когда она наконец была полностью развернута, вместо концентрации усилий на неотложных проблемах, она потратила дополнительное время на составление контрактов и налаживание контактов с деловыми партнерами *post facto*.

Несмотря на эти недостатки, большинство должностных лиц согласилось, что в целом миссия получила четкий мандат и необходимые ресурсы. Она была способна продемонстрировать эффективность, когда ООН разрабатывает четкий мандат и выделяет необходимые ресурсы при под-

держке объединенных политических решений Совета Безопасности.

Генеральный секретарь ООН предписал, что его Специальные представители в операциях по поддержанию мира служат как координаторы всех действий ООН в заинтересованной стране, однако с этим не всегда соглашались противоборствующие стороны. В отличие от большинства других миссий UNTAES возглавлялась Временным администратором с исполнительными полномочиями в регионе. UNTAES была больше чем простая миссия по поддержанию мира: она должна была поддерживать и миротворческий компонент, и переходную администрацию. Временный администратор имел право принимать такие решения, которые могли бы разрушать противодействие местных властей. Миссия обладала такой структурой, которая позволяла принимать быстрые решения без обращений в Нью-Йорк.

Операция в Восточной Славонии была четвертой в хронологии миротворческих операций ООН, когда последняя предоставляла мандат на управление страной, в которой идет межнациональный конфликт. Первый раз это было сделано в Западной Новой Гвинее (Западный Ириан), где Временная исполнительная администрация ООН получила мандат на контроль за прекращением огня и оказание помощи по поддержанию общественного порядка и безопасности в течение переходного периода передачи территории к Индонезии. Второй была Намибия, где Группа ООН по поддержке переходного периода была учреждена, чтобы гарантировать только что обретенную независимость Намибии через свободные и справедливые выборы при диспетчерском управлении

ООН. В третий раз подобная миссия была учреждена в Камбодже (Кампучия), где Транзитная (переходная) администрация ООН в Камбодже имела мандат на оказание помощи в осуществлении мирного соглашения, подписанного противоборствующими сторонами, организацию и проведение свободных и справедливых выборов. Во всех четырех миссиях ООН преуспела в выполнении своих мандатов.

В течение двух лет деятельности в регионе в UNTAES было два временных администратора и два командующих силами по поддержанию мира. Они обеспечивали сильное руководство, которое было необходимо в трудный переходный период в непредсказуемой политической атмосфере. Эффективности работы UNTAES способствовал и тот факт, что Временный администратор был из США, а Командующий силами – из страны – члена НАТО, в данном случае из Бельгии. Командующие силами осуществляли демилитаризацию и программы демобилизации с большой эффективностью.

В UNTAES ротация временных администраторов, командующих силами и Полицейских комиссаров проводилась по мере изменения стратегии. UNTAES применяла политику «кнута и пряника» для достижения целей миссии. В самом начале работы миссии Временный администратор использовал эффективный фактор принуждения. Но как только военный компонент начал сокращать свое присутствие, переговоры и компромиссы стали наиболее эффективными средствами сближения сторон и их сотрудничества.

Было очевидно, что прогресс в Восточной Славонии мог быть достигнут только, если Хорватия и Союзная

Республика Югославия будут сотрудничать с миссией. Временный администратор приложил значительные усилия в приведении этих двух противников к общей позиции по выполнению Соглашения, которое подписали правительство Хорватии и местные сербы. Как только президенты Франьо Туджман и Слободан Милошевич признали, хотя и неохотно, что неограниченное количество сербов может остаться или возвратиться в Восточную Славонию, появился следующий аспект работы миссии.

Генералу Душану Лончару, бывшему командующему сербскими войсками в Восточной Славонии, и приблизительно 450 его солдатам было позволено остаться в регионе в течение некоторого времени как гражданским жителям. Они стали ключевыми фигурами в формировании доверия в рамках сербской общины. Должностные лица UNTAES высказывали благодарность генералу за его содействие успеху миссии в демилитаризации региона и за достижение соглашений с местными сербами.

Временный администратор полагал, что для того чтобы выполнить Соглашение и мандат миссии, кроме сотрудничества между президентами Франьо Туджманом и Слободаном Милошевичем, было необходимо сотрудничество местных сербов и хорватов. Однако его было чрезвычайно трудно осуществить. В соответствии с рекомендациями, содержащимися в докладе Генерального секретаря ООН от 13 декабря 1995 г., Временный администратор установил механизм работы Совместных комитетов выполнения соглашения (далее: СКВС), которые должны были сосредоточиться на различных проблемах жизнедеятельности

Придунайской области, чтобы установить диалог по мирной реинтеграции региона с Хорватией. Хорваты и сербы были представлены во всех этих комитетах. Там, где стороны сотрудничали, СКВС достигли соглашений. А там, где этого сотрудничества не было, Временный администратор должен был периодически применять всю полноту данной ему власти, чтобы сломать сложившуюся практику недоверия сторон.

Он сместил некоторых самых неговорчивых членов данных СКВС.

В ходе проведения миротворческих операций ООН в бывшей Югославии накоплен уникальный опыт практического взаимодействия ООН с региональными организациями. Необходимо изучить, что может и что не может быть достигнуто миротворчеством ООН в условиях гражданской войны. Но уже само присутствие миротворческих сил

ООН приносит в обстановку относительное спокойствие и стабильность.

Библиографический список

1. Балканский кризис: говорят участники / сост. Е. Ю. Гуськова. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2016. – 400 с.

2. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). – М. : Русское право: Русс. нац. фонд, 2001. – 720 с.

3. Новиков С. С. Восточная Славония: причины конфликта, деятельность и уроки миссии ООН : монография / С. С. Новиков. – Владимир : ВГПУ, 2007. – 100 с.

References

1. Balkan Crisis: Participants Say. Comp. by E. Yu. Guskova. M., Institut Slavyanovedeniya RAN, 2016. 400 p.

2. Guskova E. Yu. The History of the Yugoslav Crisis (1990–2000). M., Russkoe Pravo, Russkij Nacional'nyj Fond, 2001. 720 p.

3. Novikov S. S. Eastern Slavonia: the Causes of the Conflict, Activities and Lessons of the UN Mission. Vladimir, VGPU, 2007. 100 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 347.3

Валентик Марина Сергеевна,
Кулакова Анна Александровна

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы определения понятия «фактический брак», выявлены его признаки, изучены вопросы общественного отношения к этой форме союза мужчины и женщины. Авторы анализируют зарубежный опыт правового регулирования этого типа отношений, определяют проблемы российского законодательства.

Ключевые слова: брак, фактический брак, семейное законодательство.

Valentik Marina S.,
Kulakova A.A.

DE FACTO MARRIAGE AND PROBLEMS OF IT'S REGULATION BY LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with the definition of the concept «cohabitation», its features are revealed, the issues of public attitude to this form of union of men and women are studied. The authors analyze foreign experience of this type of relations' legal regulation, determine the problems of Russian legislation.

Key words: marriage, cohabitation, family law

Семейные и брачные общественные отношения непрестанно развиваются и эволюционируют вследствие происходящих в общественном сознании изменений. Применительно к рассматриваемой нами сфере в последние десятилетия они наиболее ярко проявились в значительном увеличении количества создаваемых людьми фактических браков, или, если говорить об этом в более широком аспекте, отношений в форме сожительства. При этом данная тенденция имеет место не только в России и странах СНГ, но и во многих других государствах.

Например, в фактических брачных отношениях в странах Евросоюза состоят приблизительно 6 % молодых

пар 16–29-летнего возраста, при этом региональные различия по данному показателю варьируются от 6 до 92 %. Так, для Италии данный показатель равен 6 %, для Испании – 14 %, для Дании, Франции и Нидерландах – по 72 %, 46 % и 54 % соответственно. Для России данный показатель, по различным источникам, варьируется от 7 до 11 %.

Отношение общественности к такой форме совместного проживания также меняется от резко негативного к более нейтральному. Так, по данным ВЦИОМ, 81 % россиян не считают незарегистрированный брак чем-то предосудительным. Отношение к нему в молодежной среде также нельзя назвать отрицательным. Согласно данным проведенного нами опроса в социальной сети «Вкон-

такте», в котором приняло участие 123 чел. в возрасте от 16 до 30 лет, голоса респондентов распределились следующим образом. 38 % респондентов считают фактический брак приемлемой альтернативой зарегистрированному; такое же количество опрошенных выражает противоположное мнение; значительная часть респондентов (24 %) считают, что фактический брак не является альтернативой официальному, а лишь предшествует ему. Тем не менее, несмотря на значительную распространенность и признание в общественной среде, законодательно данная форма отношений не получила должного урегулирования.

Исходя из общих начал семейного законодательства, зафиксированных в ст. 1 Семейного кодекса РФ (далее: СК РФ), браком признается лишь брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Это положение непосредственно влияет на применение к данным отношениям норм гражданского, наследственного, жилищного права и иных отраслей права.

На наш взгляд, представляется возможным согласиться с позицией Н. Н. Тарусиной о том, что «фактический брак... неосновательно подвергнут в настоящее время правовой дискриминации».

В первую очередь необходимо понять, что представляет собой фактический брак как понятийная категория. Для этого следует определить юридически значимые признаки, позволяющие квалифицировать отношения между людьми в качестве фактического брака. Таковыми выступают: моногамность, отсутствие регистрации таких отношений в органах ЗАГС, соблюдение условий, зафиксированных в ст. 12 и 14 СК РФ, совместное проживание и ведение хозяйства, т. е. удовлетворение повсе-

дневных потребностей, осуществляемое в интересах обоих лиц по их взаимному согласию, длительность совместного проживания, а также фактическое осуществление прав и обязанностей супругов по отношению друг к другу.

Таким образом, под фактическим браком следует понимать незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, длительно проживающих совместно и ведущих совместное хозяйство, осуществляющих по отношению друг к другу права и обязанности супругов, характеризующийся наличием близких отношений, отсутствием близкого родства и другого фактического или зарегистрированного брака у фактических супругов. Важно, что такие отношения воспринимаются самими сожителями и третьими лицами в качестве единого семейного союза.

Недостаточная урегулированность данных отношений порождает значительное количество трудностей правового характера.

1. Фактические супруги не приобретают прав общей совместной собственности на совместно нажитое имущество, в том числе и при взаимном трудовом участии в его приобретении. К такому имуществу применяются общие нормы гражданского законодательства, признающие за таким имуществом режим общей долевой собственности, при этом доли каждого из фактических супругов устанавливаются применительно к конкретному случаю. Изменить данный режим по своему усмотрению супруги также не могут, поскольку отсутствуют соответствующие законодательно закрепленные основания, а имеющиеся нормы о совместной собственности, например на жилое помещение вследствие факта регистрации в нем и совместной его приватизации, не

позволяют отразить специфику отношений между фактическими супругами.

2. Фактические супруги не имеют возможности наследования друг за другом, кроме случаев, когда другой супруг указан в завещании или же находился в положении иждивенца по отношению к умершему супругу (п. 2 ст. 1148 ГК РФ). Они также не имеют права на получение компенсаций и выплат, например пенсии по потере кормильца.

3. Отдельного упоминания заслуживает проблема прав детей, рожденных в фактическом браке. Хотя законодательно их правовое положение не отличается от детей, рожденных в зарегистрированном браке, тем не менее, в правоприменительной практике нередко складывается ситуация, когда все родительские обязанности оказываются возложенными исключительно на мать ребенка, а соответствующие обязанности у отца возникают лишь после установления в судебном порядке факта отцовства. Неразрывную связь с данным вопросом имеет вопрос об алиментных обязательствах по отношению к ребенку. Соглашение об алиментах, исходя из норм семейного законодательства (гл. 16 СК РФ), не может быть заключено между фактическими супругами точно так же, как и требовать их установления в судебном порядке возможно лишь после установления соответствующего юридически значимого факта.

4. Серьезным упущением законодателя видится отсутствие возможности совместного усыновления детей фактическими супругами.

На наш взгляд, наличие данных объективных проблем вызывает необходимость признания фактического брака семейным законодательством и делает возможным применение некоторых

правовых последствий зарегистрированного брака к данным отношениям. В первую очередь нужно предусмотреть возможность заключения фактическими супругами соглашений о режиме общей собственности, наследования, материального содержания друг друга и общих несовершеннолетних детей. Надлежит урегулировать и вопрос, связанный с правовым положением детей в фактических браках и определить объем прав и обязанностей фактических супругов по отношению к ним.

Полагаем, что осуществить признание фактического брака можно двумя способами: путем заключения между сторонами соответствующего соглашения или же признания совместного проживания фактическим браком в судебном порядке. Заключение соглашения о фактическом браке позволяет сторонам самостоятельно определить порядок, по которому они смогут реализовывать свои права в обозначенных сферах наиболее приемлемым для них образом. Признание же его в судебном порядке влечет необходимость установления наличия обозначенных выше признаков фактических брачных отношений, суду также надлежит установить срок, по истечении которого фактические брачные отношения должны признаваться таковыми. На наш взгляд, такой срок должен составлять от 2 до 4 лет, исходя из специфики реально существующих отношений между супругами и характера их взаимодействия.

Следует законодательно закрепить случаи, когда фактический брак считается расторгнутым. Такими основаниями можно считать вступление в зарегистрированный брак, в иные фактические брачные отношения и раздельное проживание фактических супругов в

течение периода, равного трети от совместно прожитого ими времени.

Некоторые из обозначенных вопросов уже нашли разрешение в законодательстве зарубежных стран. Так, законодательство Германии признает фактический брак образованием общества гражданского права, т. е. объединением лиц, не являющимся юридическим лицом, но которое вправе иметь обособленное имущество. Во Франции существует возможность заключить договор о совместной жизни как альтернативы браку, подлежащий государственной регистрации. В Норвегии в соответствии с законом «О совместном домашнем хозяйстве» 1991 г. лица, проживающие в фактическом браке, имеют схожие права в сфере социального обеспечения и налогообложения с лицами, которые состоят в браке. Швеция стала первым современным государством,

законодательно признавшим отношения сожительства. В данных отношениях партнеры не обязаны материально поддерживать друг друга, их совместным имуществом признается жилище и предметы домашней обстановки. Фактическое сожительство не создает общих долгов для партнеров. Сожители не имеют права на общую фамилию и совместное налогообложение, но они вправе не свидетельствовать друг против друга. Шведское законодательство допускает совместную опеку сожителей над детьми друг друга. В Великобритании сожителям разрешено совместное усыновление одного и того же ребенка.

На наш взгляд, следует принять во внимание данные прогрессивные положения зарубежного законодательства при правовом регулировании фактических брачных отношений в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Альбиков И. Р. Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения / И. Р. Альбиков // Семейн. и жилищ. право. – 2015. – № 2. – С. 14–15.
2. Выборнова М. М. Оформление фактического брака путем заключения договора / М. М. Выборнова // Актуал. проблемы рос. права. – 2011. – № 1. – С. 105–113.
3. Выборнова М. М. Понятие и признаки фактического брака разнополых лиц / М. М. Выборнова // Актуал. проблемы рос. права. – 2011. – № 2. – С. 159–167.
4. Закирова С. А. Совершенствование законодательства в сфере сожительства отношений / С. А. Закирова // Юрист'-Правоведъ. – 2011. – № 4. – С. 121–125.
5. Исупова О. Г. Мы просто живем вместе / О. Г. Исупова // Демоскоп Weekly. – 2013. – № 565–566.
6. Орловская А. В. Фактический брак (сожительство) в законодательстве европейских государств / А. В. Орловская // Право и соврем. государства. – 2012. – № 6. – С. 60–68.

References

1. Al'bikov I. R. Protection of the Rights and Interests of the Persons Consisting in Actual Marital Relations: Problems and Legal Features of Their Solution. *Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo*. 2015. No. 2. P. 14–15.
2. Vybornova M. M. Registration of the Actual Marriage by the Conclusion of the Contract. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2011. No. 1. P. 105–113.
3. Vybornova M. M. The Concept and Signs of Actual Marriage of Different-sex Persons. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2011. No. 2. P. 159–167.
4. Zakirova S. A. Improvement of Legislation in the Sphere of Cohabiting Relations. *Yurist'-Pravoved'*. 2011. No. 4. P. 121–125.
5. Isupova O. G. We Just Live Together. *Demoskop Weekly*. 2013. No. 565–566.
6. Orlovskaya A. V. The Actual Marriage (Cohabitation) in the Legislation of European States. *Pravo i Sovremenny'e Gosudarstva*. 2012. No. 6. P. 60–68.
7. Tarusina N. H. Family Law. M., Prospekt, 2001. 144 p.

7. Тарусина Н. Н. Семейное право / Н. Н. Тарусина. – М. : Проспект, 2001. – 144 с.

8. Чигрина Е. В. О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений / Е. В. Чигрина // Изв. БГУ. – 2015. – № 6. – С. 1108–1114.

9. Чулова Ю. С. Имущественные правоотношения мужчины и женщины, находящиеся в фактических брачных отношениях / Ю. С. Чулова // Инновац. наука. – 2015. – № 5-3. – С.133–136.

8. Chigrin E. V. Problems of Legal Regulation of De Facto Relationships. *Izvestiya BGU*. 2015. No. 6. P. 1108–1114.

9. Chulova Yu. S. Property Relations of Men and Women Who are in Actual Marital Relations. *Innovacionnaya Nauka*. 2015. No. 5-3. P. 133–136.

Михайлов Алексей Евгеньевич

СУЩНОСТЬ МИНИМИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРАВОНАРУШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ)

Аннотация. В статье затрагивается проблематика правового регулирования государственной системы противодействия правонарушениям. Автор, оценивая действующее законодательство, приходит к выводу о существовании правовых пробелов, касающихся регулирования одного из направлений противодействия правонарушениям – минимизации и ликвидации последствий правонарушений. При этом наименее урегулированной являются минимизация и ликвидация последствий коррупционных правонарушений, что отрицательно сказывается на определении сущности данного направления противодействия коррупции и его места в системе противодействия правонарушениям.

Ключевые слова: противодействие правонарушениям, минимизация и ликвидация последствий правонарушений, коррупция.

Mikhajlov Aleksej E.

THE ESSENCE OF THE MINIMIZATION AND ELIMINATION OF CONSEQUENCES OF VIOLATIONS (FOR EXAMPLE OF CORRUPTION)

Abstract. The article deals with the problems of legal regulation of the state system of combating offenses. The author, assessing the current legislation, comes to the conclusion about the existence of legal gaps concerning the regulation of one of the directions of counteraction to offenses – minimization and elimination of consequences of offenses. At the same time, minimization and elimination of the consequences of corruption offenses are the least regulated, which negatively affects the determination of the essence of this direction of combating corruption and its place in the system of combating offenses.

Key words: counteraction to offenses, minimization and elimination of consequences of offenses, corruption.

Обеспечение законности и правопорядка является традиционным направлением государственной политики. Важнейшим индикатором результативности данной политики выступают показатели состояния и динамики правонарушений. Оценивая данные показатели можно отметить, что Россия достигла внушительных результатов в сфере противодействия правонарушениям.

Так, за последнее десятилетие количество совершаемых на территории Российской Федерации преступлений

снизилось на 42,5 % (если в 2007 г. было совершено порядка 3,58 млн преступлений, то к 2017 г. этот показатель уменьшился до 2,05 млн). Вместе с тем следует признать, что снижение состояния преступности во многом связано с кумулятивным эффектом позитивных социально-экономических преобразований в России. При этом оценка показателей эффективности деятельности правоохранительных органов, к которым относится, например, уровень раскрываемости преступлений, демонстрирует системные проблемы. Например, вместо закономерного роста

показателей раскрываемости, связанного со снижением нагрузки на следственно-оперативный аппарат, мы можем наблюдать их стагнацию и даже отрицательную динамику по отдельным характеристикам. Так, за последние пять лет раскрываемость преступлений против собственности снизилась с 42,6 до 38,9 %. Одновременно наблюдается динамика роста отдельных видов правонарушений, среди которых наибольшими темпами обладают преступления экстремистской направленности.

Проблемы в деятельности правоохранительных органов, безусловно, не могли быть оставлены без внимания законодателя и органов государственного управления. Как следствие такого реагирования мы можем отметить формирование комплексной системы противодействия правонарушениям в России.

Следует согласиться с выводом М. Н. Козюка, который отметил, что основы данной системы были заложены в законодательстве, посвященном в первую очередь противодействию угрозам национальной безопасности: коррупции, терроризму, экстремизму. Не оспаривая позицию данного автора о формировании правового института «противодействия угрозам национальной безопасности», отметим, что данный институт следует рассматривать как элемент правового института противодействия правонарушениям.

Свидетельством этого является принятый 23 июня 2016 г. Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений», который на общем уровне регулирует одно из направлений противодействия правонарушениям – профилактику, и является единой правовой основой для реализации мер по профилактике как

экстремизма и терроризма, так и коррупции.

Однако это пока единственный федеральный закон, посвященный регулированию системы противодействия правонарушениям. Федеральные законы по борьбе с правонарушениями и минимизации и ликвидации последствий правонарушений не приняты. И если борьба с правонарушениями является традиционным направлением деятельности правоохранительных органов, и отсутствие федерального закона, регулирующего данную деятельность фактически не сказывается на правоприменительной практике, то отсутствие правового регулирования минимизации и ликвидации последствий правонарушений вызывает очевидные трудности.

Причем наиболее явно они проявляются в сфере противодействия коррупции, поскольку основное содержание мер по минимизации и ликвидации последствий терроризма и экстремизма отражено в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом России 5 октября 2009 г., а также в специальном законодательстве о противодействии экстремизму и террористической деятельности. В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» упоминания о конкретных мерах по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений нет.

Самостоятельно определить систему мер минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений затруднительно. Это связано с тем, что в отличие от последствий экстремизма и терроризма, имеющих вполне очевидный характер, связанный

с распространением атмосферы тревоги и страха, стрессовых состояний, последствий для жизни, здоровья, целостности имущества и т. п., последствия коррупции не так ярко выражены.

Оценка правоприменительной практики демонстрирует, что деятельность по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений фактически сводится к мерам, связанным с возмещением материального ущерба, причиненного актами коррупции, к взысканию сумм незаконного обогащения третьих лиц и к восстановлению нарушенных прав. Например, данные меры активно применяет в своей деятельности прокуратура Российской Федерации. Вместе с тем при официальной оценке результатов возмещения ущерба, причиненного коррупционными правонарушениями термины «минимизация» и «ликвидация» последствий правонарушений практически не используется.

Нет однозначного восприятия минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений и в научном мире. В частности, дискуссионным является вопрос о сущности минимизации и ликвидации последствий правонарушений и их месте в системе противодействия правонарушениям. Мы выделили по меньшей мере три концептуально разных подхода к данному вопросу.

Например, М. Н. Ахмедов отмечает, что минимизация и ликвидация последствий правонарушений носит профилактический характер, так как устраняет причины и условия противоправного поведения, связанного со стремлением потерпевших самостоятельно возместить причиненный им ущерб. В таком аспекте минимизация и ликвидация последствий правона-

рушений фактически рассматривается как элемент профилактики и, соответственно, не требует отдельного выделения в системе противодействия правонарушениям.

В рамках данного подхода существует позиция, которая сводит минимизацию и ликвидацию последствий правонарушений к виктимологической профилактике, что также нивелирует ее самостоятельное значение.

В целом полагаем, что подобные точки зрения требуют дополнительного исследования, поскольку не охватывают ситуации, когда правонарушениями причиняется вред не личным, а общественным или государственным интересам, или интересам организации, не имеющих личностного компонента в механизме индивидуальной виктимизации и не обладающих волей для самовольного противоправного восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного правонарушением вреда.

Несколько иного подхода придерживается О. Р. Афанасьева, которая рассматривает минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений в качестве самостоятельного направления противодействия коррупции, но при этом одну из двух выделяемых ей форм (направлений) минимизации и ликвидации все равно отождествляет с профилактикой. Исходя из этого в качестве задачи данного направления деятельности указанной автор определяет выявление и устранение причин и условий коррупции. Мы не можем согласиться с таким подходом, поскольку он существенно затрудняет оценку пределов профилактики правонарушений, стирая границу между ней и минимизацией и ликвидацией последствий правонарушений.

Наконец, последний подход к определению сущности минимизации и ликвидации последствий правонарушений основывается на утверждении самостоятельного значения данного направления противодействия коррупции. Так, М. Н. Козюк четко разграничивает минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений от их профилактики, признавая при этом, что минимизация и ликвидация последствий коррупции в связи с правовой неурегулированностью и недостаточной теоретической разработанностью требует дальнейшего исследования.

На наш взгляд, подобный подход является наиболее правильным и не только потому, что соответствует позиции зако-

нодателя. Меры по минимизации и ликвидации последствий правонарушений имеют иной объект воздействия, нежели меры профилактики. Они направлены не на причины и условия правонарушений, а на их последствия, что требует иного правового режима регулирования.

Подводя итог изложенному, отметим, что отсутствие федерального закона, посвященного организационно-правовым основам минимизации и ликвидации последствий правонарушений не позволяет правильно оценить сущность данного направления противодействия правонарушениям и, соответственно, негативно сказывается на правоприменительной практике.

Библиографический список

1. Афанасьева О. Р. Минимизация последствий коррупционных правонарушений: понятие, содержание, основные направления / О. Р. Афанасьева // *Наука. Мысль*. – 2016. – № 5. – С. 20–25.
2. Жеребцов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (постатейный) / А. Н. Жеребцов, Ю. В. Помогалова, М. В. Смоляров. Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2016.
3. Козюк М. Н. Минимизация последствий коррупции как проблема законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности / М. Н. Козюк // *Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник*. Вып. 11 / РАН ; ИНИОН ; Отд. науч. сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов, Д. В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 386–389.
4. Троицкий С. В. Международно-правовые и национально-правовые основы минимизации и ликвидации последствий терроризма и иных тяжких преступлений / С. В. Троицкий // *Вестн. РУДН. Серия «Юридические науки»*. – 2011. – № 3. – С. 140–146.

References

1. Afanas'eva O. R. Minimizing the Consequences of Corruption Offenses: the Concept, Content, Main Directions. *Nauka. My'sl'*. 2016. No. 5. P. 20–25.
2. Zherebczov A. N., Pomogalova Yu. V., Smolyarov M. V. Commentary to the Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ «On the Basics of the System for the Prevention of Offenses in the Russian Federation» (Article by Article). Prepared for references system «ConsultantPlus».
3. Kozyuk M. N. Minimizing the Effects of Corruption as a Problem of Legislation in the Field of National Security. *Russia: Trends and Development Prospects*. Iss. 11. M., 2016. Pt. 1. P. 386–389.
4. Troiczkiy S. V. International Legal and National Legal Framework for Minimizing and Eliminating the Consequences of Terrorism and Other Serious Crimes. *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie Nauki»*. 2011. No. 3. P. 140–146.

УДК 343.01

Неряхин Артём Игоревич

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ,
ГАРАНТИРУЮЩИЕ ПРАВО НА ЗАЩИТУ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ
В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ**

Аннотация. В статье исследованы приоритетные направления развития международных и конституционных стандартов в области регламентации права на защиту при производстве сокращенного дознания по уголовному делу. Автор делает вывод, что обеспечение гарантии права лица на защиту при производстве дознания в сокращенной форме в уголовно-процессуальном законодательстве России тесно связано с международными правовыми актами и базируется на их положениях.

Ключевые слова: стандарт, принцип, право на защиту, предварительное расследование, дознание в сокращенной форме.

Neryakhin Artyom I.,

**INTERNATIONAL LEGAL AND CONSTITUTIONAL STANDARDS GUARANTEEING
THE RIGHT TO DEFENSE IN THE PRODUCTION
OF AN INQUIRY IN A REDUCED FORM**

Abstract. Within the framework of this article, priority directions for the development of international and constitutional standards in the field of regulation of the right to defense in the production of reduced inquiries in a criminal case were investigated. The author concludes that ensuring the guarantee of the person's right to defense in the shortened form of inquiry in the criminal procedural legislation of Russia is closely interrelated with international legal acts and is based on their provisions.

Key words: standard, principle, the right to protection, preliminary investigation, short inquiry.

Принятый в 2001 г. действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ) определил дальнейшее реформирование уголовно-процессуальной политики, нашедшей свое отражение в первую очередь в развитии гуманистических начал, которые сегодня выражаются в исключительной охране прав и свобод человека и гражданина, в частности, в регламентации права на защиту, а это, как мы знаем, полностью соответствует международным и конституционным стандартам. Для начала полагаем целесообразным разобраться в таких ключевых доктринальных понятиях, как «стандарты»

и «принципы» уголовного судопроизводства.

Современная литература очень скудна на общее толкование слова «стандарт». В основном нормативные правовые акты дают расшифровку дефиниций профильных направлений: стандарт бухгалтерского учета, стандарт военного положения, образовательный стандарт и др. Само слово «стандарт» происходит от английского «standard» и переводится как «норма», «образец», что в целом означает эталон или модель, которые принимаются за основу для сопоставления с ними других однородных явлений. Для нашего исследования такое определение не подходит, так как в него мы вкладываем иной смысл, где в качестве международно-правового стандарта рассматривается обще-

принятый и исторически сложившийся набор правил, разработанный и рекомендованный международным сообществом, ратифицированный впоследствии Российской Федерацией и введенный в ее правовую систему.

Слово «принцип» происходит от латинского «*prīncipiūm*» и традиционно означает основные, начальные положения какого-либо учения или науки, другими словами, это тот базис, на который опирается ученый в процессе своего исследования. Для нас такое определение приемлемо, с одним лишь уточнением, что для целей настоящего исследования мы отдадим приоритет принципам уголовного судопроизводства, под которыми будем понимать основополагающие идеи и установки, составляющие моральную и организационную основу возникновения, изменения и прекращения правовых отношений в области предварительного расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел.

Итак, мы можем говорить о том, что в настоящем исследовании категории «стандарты» и «принципы» неразрывно взаимосвязаны, так как международный стандарт гарантии права на защиту первичен для конституционного, а конституционный стандарт на право получения юридической помощи первичен для принципа уголовного судопроизводства в виде обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Важно заметить, что международные и конституционные стандарты имеют более широкое значение, чем соответствующие отраслевые принципы, так как первые имеют прямое действие и носят межотраслевой характер.

Российская Федерация есть демократическое правовое государство (ч. 1 ст. 1

Конституции РФ). Эти базовые утверждения, воспринятые конституциями зарубежных стран, имеют длительную историю своего развития, подводят нас к тому, что невозможно отдельно взятому государству существовать во вне цивилизации, а значит, необходимо уважать международные правовые стандарты, интегрировать их основные положения в национальное законодательство, выстраивать правовые отношения внутри общества в строгом соответствии с этими положениями.

Российская Конституция 1993 г., принимая данную установку, закрепляет, что общепризнанные принципы, нормы международного права, а также международные договоры являются составной частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15). В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17).

Вышеизложенное закрепляет, что права и свободы человека, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, прямо действуют в пределах юрисдикции России. Непосредственно действующие права обеспечиваются силой закона, всей системой правосудия, предопределяя деятельность законодательной и исполнительной ветвей власти.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ, общепризнанные принципы, нормы международного права, а также международные договоры России являются неотъемлемой частью ее законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором установлены иные правила, чем те, которые преду-

смотрены УПК РФ, применяются нормы международного договора.

Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений разъяснил, что под общепризнанными принципами международного права следует понимать основные императивные нормы международного права, принятые и признанные международным сообществом государств в целом, отклонение от которых неприемлемо. Общепризнанные принципы международного права, в частности, включают принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. В то же время общепризнанная норма международного права является нормой поведения, которая признана международным сообществом государств в целом как юридически обязательная.

А. В. Гриненко верно определил, что право лица на защиту является одним из действенных способов избежать незаконного и необоснованного уголовного преследования и, как следствие, несправедливого осуждения.

Национальный уголовно-процессуальный закон, формулирующий ряд правил и процедур, обеспечивающих это право, принял в качестве базовых требований международно-правовые стандарты, которые стали частью Конституции РФ. В частности, было воспринято важное правило, согласно которому любое лицо, подлежащее уголовному преследованию, имеет право защищаться лично или посредством помощи защитника, которого он выбрал, или, если недостаточно материальных средств, защитник предоставляется бесплатно, если того требуют интересы правосудия (ст. 6). Вообще указанный документ содер-

жит основополагающие принципы прав человека, которые должны быть отражены в законодательстве государств-участников. Следует подчеркнуть, что наиболее важным является соблюдение прав и свобод человека на досудебных этапах уголовного судопроизводства, в которых преобладает обвинительная деятельность уполномоченных должностных лиц и органов. Речь идет в том числе и о дознании.

Конституционный стандарт гласит, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи (в том числе бесплатной). Каждый задержанный или обвиняемый в совершении преступления имеет право на получение помощи защитника с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения соответственно (ст. 48).

Ранее имелось некоторое расхождение в формулировке «каждый» (ч. 1 указанной статьи), но «задержанный», «заключенный под стражу», «обвиняемый» (ч. 2 указанной статьи), т. е. сложно было понять, с какого момента возникает право на защиту, установленное ст. 16 УПК РФ. В 2015 г. указанное расхождение было уточнено Пленумом Верховного Суда РФ, который в одном из своих постановлений указал, что право на защиту может быть реализовано на всех стадиях уголовного судопроизводства. Мы согласимся с мнением тех авторов, которые в доказательство данного толкования указывают, что на стадии исполнения приговора возникают ситуации, когда требуется обеспечить право осужденного обратиться в суд за условно-досрочным освобождением или по другим вопросам, связанным с более ранним уголовным преследованием.

Кроме указанной ранее Конвенции о защите прав человека и основных свобод, право каждого на защиту признается и гарантируется иными общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами России в качестве одного из основных прав человека и гражданина. Предметом настоящего исследования не является углубленное изучение международных договоров по правам человека, в которых содержатся положения о праве на защиту. По нашему мнению, достаточно и целесообразно определить ключевые нормы международных стандартов в области прав человека, связанных с гарантируемой государством квалифицированной юридической помощью по уголовным делам, расследование которых проводится в форме сокращенного дознания.

Для комплексного анализа нас будут интересовать такие международно-правовые документы, как: Устав Международного военного трибунала для суда, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Основные принципы, касающиеся роли юристов.

Обеспечение гарантии права лица на защиту при производстве сокращенного дознания в уголовно-процессуальном законодательстве России тесно связано с указанными правовыми актами и базируется на их положениях.

В 1945 г. в Лондоне был принят Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. На наш взгляд, это первый источник международного права, который гарантирует право на защиту, правда, судебную, но к этому мы вернемся позже. Так, в разд. 4, который регламентирует про-

цессуальные гарантии для подсудимых, сказано, что подсудимый имеет право защищать себя в суде лично или с помощью защитника (п. «d» абз. 1 ст. 16). Кроме того, подсудимый имеет право, лично или через защитника, представлять доказательства в защиту на суде и перекрестно проверять любого свидетеля, вызванного стороной обвинения (п. «d» абз. 1 ст. 16).

Конечно, указанные положения имеют место только на стадии судебного разбирательства по уголовному делу, но тем не менее мы должны полагать, что на обвиняемого также распространяются эти правила, которые уточняет Всеобщая декларация прав человека, начинаемая со слов что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (ст. 1). Кроме того, каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена законом в открытом судебном разбирательстве, в котором ему предоставлены все возможности для защиты (ч. 1 ст. 11). Это, на наш взгляд, основополагающие принципы юридического статуса человека в любом государстве, которое претендует на то, чтобы его определяли как «правовое».

Конкретизируя указанный стандарт, Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 3) уточнил, что каждое государство – участник Пакта обязуется обеспечить, чтобы:

- любое лицо, права и свободы которого кем бы то ни было нарушены, имело эффективные средства правовой защиты;

- право на юридическую защиту любого лица, требующего такой защиты, было установлено компетентными ор-

ганами, предусмотренными правовой системой государства;

– велась систематическая разработка судебных средств правовой защиты, а компетентные органы использовали такие средства, когда они предоставлены законом.

По смыслу данного уточнения, деятельность защитника должна поддерживаться государством, и препятствие государства в его деятельности неприемлемо.

Рассмотренные нами международные правовые документы, как можно заметить, носят базовый характер и охватывают своим действием, на наш взгляд, все стадии судопроизводства по уголовному делу, в том числе и досудебную. В этой связи трудно согласиться с О. А. Науменко, которая в своем диссертационном исследовании полагает, что трудно выделить международные нормы, которые касаются защиты прав личности при проведении дознания. По ее мнению, все положения международных документов сосредоточены на применении общепризнанных принципов в судебных процедурах, исключая досудебное производство.

Обеспечение прав личности, в том числе и права на защиту при сокращенном дознании, регламентировано, например, в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, где сказано, что задержанный имеет право пользоваться помощью адвоката и советоваться с ним. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными также призваны обеспечить юридическую помощь и конфиденциальное обращение с адвокатом. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью

рекомендует на международном и национальном уровнях для облегчения доступа к правосудию и справедливому обращению, реституции, компенсации и помощи жертвам преступлений принять соответствующие нормативные правовые акты.

Более того, в 1990 г. в Гаване принимаются Основные принципы, касающиеся роли юристов, в соответствии с которыми государства обязуются создавать условия для выполнения адвокатами своих профессиональных обязанностей в условиях, свободных от угроз, препятствий, запугивания и других вмешательств. Основные принципы в числе приоритетных закрепляют положения о том, что каждый человек имеет право обратиться к адвокату с просьбой помочь в защите своих прав и защите его на всех этапах уголовного судопроизводства (п. 1), а государства обязаны обеспечить эффективные процедуры и гибкие механизмы для эффективного и равного доступа к адвокатам для всех лиц на их территории (п. 2).

Подводя итог вышеизложенному, мы можем заключить, что международные и конституционные стандарты, а также уголовно-процессуальные принципы ориентируют нас на то, что конкретное государство в лице его органов, как бы то ни было нарушая право на досудебную защиту, лишает или ограничивает лицо, подвергшееся уголовному преследованию, в праве на получение помощи от адвоката, а также в праве на использование для своей защиты всех методов и средств, которые не запрещены законом. Все это ведет к тому, что в результате лишения или ограничения законно гарантированного права на защиту не представляется возможным объективно рассмотреть

дело судом, а это влияет или может повлиять на законность и обоснованность приговора. Кроме того, ставится

под сомнение эффективность деятельности органов предварительного расследования в принципе.

Библиографический список

1. Буслаева О. Б. Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Буслаева Оксана Борисовна. – М., 2016. – 288 с.

2. Гриненко А. В. Обеспечение права на защиту: законодательное закрепление и правоприменительная практика / А. В. Гриненко // Росс. судья. – 2015. – № 8. – С. 17–20.

3. Науменко О. А. Обеспечение прав личности при производстве дознания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Науменко Оксана Александровна. – М., 2015. – 231 с.

4. Эсендиоров М. В. Обеспечение прав лица при наделении его процессуальным статусом обвиняемого : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Эсендиоров Магомед Вахитович. – М., 2015. – 231 с.

References

1. Buslaeva O. B. The Activities of a Lawyer to Provide Legal Assistance to Convicts Serving Sentences in Correctional Institutions: Theory and Practice. M., 2016. 288 p.

2. Grinenko A. V. Ensuring the Right to Protection: Legislative Recognition and Law Enforcement Practice. 2015. P. 17–20.

3. Naumenko O. A. Ensuring the Rights of the Individual in the Production of Inquiries. M., 2015. 231 p.

4. E'sendirov M. V. Ensuring the Rights of the Person in Conferring on Him the Procedural Status of the Accused. M., 2015. 231 p.

УДК 343.81

Пикин Иван Викторович,
Гаджиев Джамидин Татжитдинович

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Автором подвергаются криминологическому анализу преступления против здоровья совершаемые в местах лишения свободы и изоляции осужденных от общества, а также меры профилактического характера, направленные на сокращение преступлений данного характера.

Ключевые слова: преступления против здоровья, осужденный, профилактика преступности.

Pikin Ivan V.,
Gadzhiev Dzhamidin T.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST HEALTH IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Abstract. The author analyzes criminological crimes against health committed in places of imprisonment and isolation of convicts from society, as well as preventive measures aimed at reducing crimes of this nature.

Key words: crimes against health, convicted person, crime prevention.

Право человека на здоровье гарантируется государством, соответственно, государством должны быть предусмотрены механизмы защиты данного права. Этому способствует наличие правовых норм, содержащихся в конституционном, уголовном, уголовно-исполнительном, гражданском, административном и иных отраслях права. Все нормы, так или иначе, должны быть направлены на предупреждение и пресечение общественно опасных посягательств на здоровье.

Говоря о преступлениях против здоровья, совершаемых в местах лишения свободы, можно сказать, что они посягают не только на общественно важные отношения, которые определены Уголовным кодексом Российской Федерации (далее: УК РФ), но также создают

угрозу дезорганизации деятельности того или иного исправительного учреждения, препятствуют достижению основных целей уголовно-исполнительного законодательства – исправлению осужденных и предупреждению совершения преступлений как осужденными, так и иными лицами.

По состоянию на 1 января 2018 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) содержалось 602 176 чел. (-27 979 чел. к 1 января 2017 г.), в том числе:

– в 713 исправительных колониях отбывало наказание 494 967 чел. (-24 524 чел.), в том числе:

– в 126 колониях-поселениях отбывало наказание 34 813 чел. (+1 216 чел.);

– в 7 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная

казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, отбывало наказание 2 014 чел. (+9 чел.);

– в 218 следственных изоляторах и 98 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, содержалось 104 385 чел. (-2 919 чел.);

– в 8 тюрьмах отбывало наказание 1 429 чел. (-276 чел.);

– в 23 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1 395 чел. (-260 чел.).

В учреждениях содержалось 47 732 женщины (-1 510 чел.), в том числе 38 695 – в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9 037 – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 535 детей¹.

Данное положение дел свидетельствует о положительной динамике в деятельности УИС, вместе с тем количество спецконтингента остается довольно большим. В связи с этим возрастает вероятность совершения преступлений указанными лицами в процессе отбывания наказания.

Что касается преступлений против здоровья, то в 2014 г. в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы их было совершено 89, в 2015 г. – 85, в 2016 г. – 91, 2017 г. – 37, за первый квартал 2018 – 7². Несмотря на периодически фиксируемую стабилизацию и

даже снижение количества выявленных преступлений, ущерб от них подрывает саму основу процесса исполнения наказания в виде лишения свободы, а также препятствует исправлению осужденных, усугубляет процесс преступной деформации, тяжелым грузом ложится на основную часть спецконтингента и сотрудников УИС.

Право на здоровье как естественное право человека, защита которого представляет широкий комплекс активных действий всех государственных и общественных структур, каждого конкретного человека по созданию и поддержанию безопасной социальной и природной среды обитания, условий жизни, имеет неоспоримое преимущество перед иными правами, так как многие из данных человеку прав теряют свою значимость в случае подрыва здоровья человека.

Если говорить в целом о преступности данной категории, то на ее долю в общем количестве приходится относительно небольшой процент. Несмотря на это, изменяются качественные показатели. Стабильно высокими остаются показатели уголовно наказуемых деяний, касающихся причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ); умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1–3 ст. 111 УК РФ); умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ). Следует также отметить включение в состав статистики новых составов. Так, статистика 2014 г. не включала в себя состав о причинении тяжкого или среднего вреда здоровью по неосторожности, в 2015 г. было совершено 4 преступления указанного состава, а в 2016 г. – 5, в 2017 г. – 4. Негативные изменения могут указывать

¹ URL: <http://xnh1akkl.xnp1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkayhar-kaUIS> (дата обращения: 18.02.2018).

² URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/> (дата обращения: 20.04.2018).

сразу на несколько факторов, во-первых, на общий уровень жестокости совершаемых преступлений, а также на высокий уровень латентности преступлений, имеющих меньший коэффициент тяжести.

Криминологическая характеристика преступлений против здоровья включает в себя рассмотрение таких факторов, как место и способ их совершения, а также изучение личности потерпевшего.

Место совершения преступления определяется, исходя из специфики темы исследования, и представляет собой учреждения УИС, исполняющие наказания в виде лишения свободы. Так, большая часть преступлений против здоровья совершается в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов. Связано это прежде всего с тем, что в указанные учреждения являются основными местами содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы¹.

Практика показывает, что в учреждениях со сложной оперативной обстановкой складывается трудная ситуация и с криминологической обстановкой. Здесь, в частности, наблюдается более высокий уровень причинения тяжкого вреда здоровью, среди которых чаще (чем в иных местах) встречается совершения преступлений при отягчающих обстоятельствах. Установлено наличие тесной корреляционной зависимости между уровнем преступности и количеством «населения» исправительного учреждения: чем больше лимит наполнения учреждения, тем больше

существует вероятность совершения преступления.

Наименьшие показатели отмечаются в тюрьмах, что связано с особенностями режима содержания. Осужденные содержатся в запираемых общих камерах, по постановлению начальника тюрьмы могут содержаться в одиночных камерах, прогулка осужденных производится покамерно. Несмотря на категорию наиболее опасных преступников, отбывающих уголовное наказание в тюрьмах, количество совершаемых преступлений минимально. Это обусловлено минимизацией контактов между осужденными и, как следствие, отсутствием столкновения интересов. За рассматриваемый период в тюрьмах было совершено одно преступление против здоровья – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ).

Нередко совершение преступления рассматриваемой категории планируется, подготавливается участниками, а также изготавливаются и подбираются орудия и средства его совершения. Орудия могут выступать любые предметы, изготовленные осужденными незаконно и имеющиеся у них в наличии (ножи, заточки, бритвы, лезвия, трости и т. д.).

Особый интерес представляют сведения о личности потерпевшего, его предыдущих отношениях с преступником, его поведении к моменту совершения против него преступного посяательства.

Потерпевшими от насильственных преступлений против личности в местах лишения свободы, как правило, являются лица, связанные с преступником более или менее длительными (а нередко и прочными) взаимоотношениями. Случай, когда потерпевший не имел связей с

¹ Гаврилюк Е. Д. О проблемах пенитенциарной преступности // Проблемы реформирования федерального и регионального законодательства. Киров, 2001. С. 121–132.

преступником, в своем количественном показателе имеют коэффициент, стремящийся к нулю, к тому же в условиях строгой изоляции и при постоянном нахождении в исправительном учреждении или под стражей все осужденные имеют связи того или иного характера. Чаще всего потерпевшими становятся мужчины, данный факт, опять же связан долей лиц мужского пола в общем количестве осужденных¹. Один из вариантов отмеченных поводов образует случаи, когда поведение потерпевшего было по существу правильным, социально одобряемым, но выразилось в грубой, унижающей второго участника межличностного взаимодействия форме.

Изучение личности потерпевшего, по нашему мнению, является необходимым условием для выяснения мотива и цели совершения преступления, что в свою очередь даст возможность проанализировать и выявить пробелы в мероприятиях, направленных на недопущение совершения преступлений. Следует также сказать о схожести социально- и морально-правового статуса потерпевшего и преступника, проявляющейся, в частности, в социально нежелательных формах их поведения до момента совершения насильствен-

ного посягательства. Чем выше степень криминогенности микросреды, к которой они принадлежат, тем заметнее это выравнивание².

На основании вышесказанного следует сделать вывод о том, что приведенные выше характеристики присущи основной части преступлений против здоровья, совершаемых в местах лишения свободы. Следует отметить, что состояние преступности против здоровья в исправительных колониях УИС, а также поддержание существующего правопорядка в исправительных учреждениях непосредственно зависят от вида учреждения и от проводимых мероприятий, направленных на предупреждение преступности против здоровья. По нашему мнению, постоянные профилактические мероприятия, направленные на разрушение существующих криминальных традиций, также будут способствовать снижению уровня преступности в целом. Уменьшению количества преступлений будут способствовать и сокращение и поддержание существующих лимитов наполнения учреждений УИС, пресечение устойчивых связей между осужденными, которые могут перерасти в неприязненные отношения и способствовать совершению преступлений.

¹ Криминология / под ред. А. И. Долговой. М., 2016. С. 84.

² Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1997. С.161.

Библиографический список

1. Гаврилюк Е. Д. О проблемах пенитенциарной преступности / Е. Д. Гаврилюк // Проблемы реформирования федерального и регионального законодательства. – Киров : Кир. фил. Акад. права и упр. Минюста России, 2001. – С. 121–132.
2. Криминология / под ред. А. И. Долговой. – М. : Норма: Инфра-М, 2016. – 368 с.
3. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Юрист, 199. 512 с.

References

1. Gavrilyuk E. D. About the Problems of Penitentiary Crime. *Problems of Reforming Federal and Regional Legislation*. Kirov. Kirovskij Filial Akademii Prava i Upravleniya Minyusta Rossii, 2001. P. 121–132.
2. Criminology. Ed. by A. I. Dolgova. M., Norma, Infra-M, 2016. 368 p.
3. Criminology. Ed. by V. N. Kudryavcev. M., Yurist", 1997. 512 p.

УДК 343.8

**Яковлев Андрей Алексеевич,
Звонов Андрей Викторович**

**НАКАЗАНИЕ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
(ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ
УФСИН РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

***Аннотация.** В статье рассматривается состояние исполнения наказания без изоляции от общества, на основе статистических данных УИИ УФСИН России по Владимирской области. Анализируется состав осужденных, состоящих на учете в УИИ, и их рецидивная преступность.*

***Ключевые слова:** исполнение наказания, наказание без изоляции, осужденные, рецидив.*

**Yakovlev Andrej A.,
Zvonov Andrej V.**

**PUNISHMENT WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY: ANALYTICAL REVIEW
(BASED ON THE MATERIALS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE INSPECTION
OF THE FPS OF THE VLADIMIR REGION)**

***Abstract.** The article deals with the state of execution of punishment without isolation from society, on the basis of statistical data of the penal Inspectorate of the Federal penitentiary service of Russia in the Vladimir region. Analyzes the composition of the convicts who are registered in the UII and their repeat offending.*

***Key words:** execution of punishment, punishment without isolation, convicts, relapse.*

Развитие современного общества привело к осознанию того, что наказание не всегда должно быть связано с лишением свободы в привычном его понимании. Наказать человека за совершенное им преступление возможно и без строгой его изоляции от общества. Российская Федерация, постоянно совершенствуя уголовное законодательство, предоставляет возможность суду выбрать альтернативные наказания², что, в частности, видно на примере Владимирской области. С каждым годом происходит увеличение количества лиц, состоящих на учете в

уголовно-исполнительных инспекциях (далее: УИИ). Анализируя результаты статистической отчетности УФСИН России по Владимирской области за период с 2014 по 2017 г., можно заключить, что количество осужденных, состоящих на учете в УИИ на протяжении рассматриваемого нами периода, изменяется незначительно. Численность осужденных состоящих на учете в УИИ за этот период увеличилось на 8 % или 603 чел. Так, в 2014 г. на учете стояло 7 539 чел., в 2015 г. – 7 139 чел., т. е. на 6 %, или 400 чел., меньше, в 2016 г. – 7 403 чел. т. е. по сравнению с АППГ произошло увеличение на 4 %, или 264 чел., в 2017 г. – 8 142 чел., т. е. по сравнению с АППГ также произошло увеличение на 9 %, или 739 чел.

© Яковлев А. А., Звонов А. В., 2018

² Смирнов Л. Б. Актуальные проблемы применения и исполнения уголовных наказаний без изоляции осужденных от общества // Вестн. С.-петерб. юрид. акад. 2015. № 1. С. 95.

Самой часто применяемой уголовно-правовой мерой на территории Владимирской области является условное осуждение. Суд, назначая наказание условно, считает, что гражданин может встать на путь исправления, находясь в обществе, фактически не понеся кары за преступление. Страх потерять социально полезные связи и родных, близких ему людей не позволит совершить новое преступление. В 2014 г. на учете в УИИ состояло 4 931 чел., осужденных условно, что составило 65 % от всех осужденных без изоляции от общества, в 2015 г. – 4 572 чел., или 63 %, в 2016 г. – 3 888 чел., или 53 %, в 2017 г. – 4 140 чел., что составило всего 50 % от общего количества осужденных, состоящих на учете в УИИ. Такая тенденция прослеживается на всей территории Российской Федерации¹.

Второй по частоте применения уголовно-правовой мерой являются исправительные работы. Это наказание в 2014 г. отбыло 1 530 чел., или 20% от общего количества осужденных состоящих на учете в УИИ, в 2015 г. – 1 455 чел., или 20 %, в 2016 г., – 1 185 чел., или 15%, в 2017 г. – 1 074 чел., или 12 %.

Сокращение количества осужденных по рассмотренным выше наказаниям произошло из-за распространения практики назначения, других наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Как можно заметить, количество осужденных условно сократилось на 15 % от общего числа осужденных, а к исправительным работам – на 8 %. По этой причине произошел рост лиц, приговоренных к

наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью². В 2014 г. это наказание отбывало 376 чел., или 5 % от общего числа осужденных, и с каждым годом количество осужденных увеличивалось: так, в 2015 г. – 512 чел., или 7 %, в 2016 г. – 1 194 чел., или 15 %, в 2017 году – 1 770 чел., или 21 % осужденных от общего числа лиц, состоящих на учете в УИИ. Рост составил 16 % по отношению к общей массе осужденных.

Обязательные работы также являются наказанием, набирающим популярность среди наказаний, не связанных с реальным лишением свободы. Рост числа осужденных к этому наказанию идет непрерывно с 2010 г.³. В 2014 г. это наказание отбывало 440 чел., или 6 % от общего числа осужденных, в 2015 г. – 509 чел., или 7 %, в 2016 г. – 1 178 чел., или 15 %, в 2017 г. – 1 186 чел., или 14 %.

Самым редко назначаемым наказанием, исполняемым УИИ, является ограничение свободы. В течение рассматриваемого периода максимальное количество осужденных к этому наказанию не превысило 300 чел., что составило в среднем 3% от общего числа осужденных: в 2014 г. – 293 чел., или 4 % от общего числа осужденных, в 2015 г. – 220 чел., или 3 %, в 2016 г. – 179 чел., или 2 %, в 2017 г. – 299 чел., или 3 %.

² Звонов А. В. Содержание кары уголовно-го наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4(95). С. 84

³ Дегтярева О. Л. Исполнение наказаний без изоляции от общества // NOVAINFO.RU. № 33-2. С. 182.

¹ Расторопов С. В., Звонов А. В., Пичугин С. А. Условное осуждение: законодательная регламентация и практика применения : монография. М., 2013. 296 с.

Целью уголовно-исполнительного законодательства является предупреждение совершения нового преступления во время отбывания наказания, а также и после его отбытия. Оценкой эффективности различных видов наказаний, не связанных лишением свободы, является количество осужденных, совершивших преступления во время отбытия наказания, т. е. после постановки на учет в УИИ.

Рассматривая наказание без изоляции от общества, следует уделить внимание эффективности этого наказания, как оно влияет на рецидив преступности, в частности пенитенциарный рецидив, и как происходит перевоспитание осужденного¹.

За рассматриваемый нами период произошло снижение количества совершаемых осужденными нарушений установленного порядка и условий отбывания наказаний. Однако этот показатель остается на достаточно высоком уровне. В 2014 г. половина осужденных, состоящих на учете в УИИ, допустили нарушение режима – 4 000 чел. из 7 539 чел., что составило 53 %, затем с каждым годом количество нарушений снижалось: так, в 2015 г. – 3 074 чел., или 43 %, в 2016 г. – 3 009 чел., или 41 %, в 2017 г. – 2 830 чел., или 35%, т. е. по сравнению с 2014 г. снижение произошло на 30 %, или 1 170 нарушителей.

При снижении количества правонарушений при отбывании наказания в то же время можно выявить негативную тенденцию к увеличению количества преступлений, совершаемых осужденными во время отбывания наказания,

т. е. пенитенциарный рецидив. За рассматриваемый период рост составил 181 %, или 132 чел. Причем количество осужденных, состоящих на учете в УИИ, остается фактически на одном уровне, то увеличение числа совершенных преступлений говорит о недостаточной работе с подучетными лицами или недостаточной оценке личности судом при назначении наказания.

Наибольшее количество осужденных, совершивших преступления, находясь на учете в УИИ, осуждены условно. В период с 2014 по 2016 г. количество условно осужденных, совершивших преступления, составляло более 80 % от общего числа совершивших преступления, к 2017 г. эта цифра снизилась до 64 %, за счет увеличения числа преступлений, совершенных осужденными к другим видам наказания. Однако в количестве осужденных, совершивших преступления, произошел резкий скачок – с 94 чел. в 2016 г. до 196 чел. в 2017 г., рост составил 208 %.

К основным составам преступлений, по которым осуждены лица, состоящие на учете в УИИ, относятся ст. 157 УК РФ, ст. 158 УК РФ, ст. 228 УК РФ, ст. 161 УК РФ, ст. 264 УК РФ, на которые приходится в среднем 64 % осужденных от общего числа лиц, состоящих на учете в УИИ. Наибольшее количество лиц отбывало наказание по ст. 158 УК РФ в 2014 г. – 2300 чел., или 31 % от общего числа осужденных, состоящих на учете в УИИ, в 2015 г. – 2 038 чел., или 29 %, в 2016 г. – 1714 чел., или 23 %, в 2017 г. – 1844 чел., или 23 % осужденных. Как мы можем увидеть, за рассматриваемый нами период произошло снижение числа лиц, осужденных по этой статье на 20 %, или 456 чел.

¹ Беднякова И.Л., Ежова О.Н. Исполнение наказаний без изоляции от общества: проблемы и перспективы// Вестник владимирского юридического института. 2014. №1. С. 71

При этом резко увеличилось количество лиц, осужденных по ст. 264 УК РФ: с 238 чел. в 2014 г., до 1 562 чел. в 2017 г., рост составил 656 %, или 1 324 чел.

Среди лиц, состоящих на учете УИИ УФСИН России по Владимирской области, треть осужденных ранее привлекалась к уголовной ответственности. Это достаточно большой показатель среди лиц, к которым уже применялось уголовное наказание, но каждый раз суд принимал решение о назначении меры уголовно-правового воздействия, не связанной с отбывание наказания в исправительном учреждении.

Государство при разработке уголовной политики старается оставить осужденного в обществе, ограничив лишь часть его прав и свобод. Доказательством этого служат неизменное коли-

чество лиц, состоящих на учете в УИИ, и общее снижение осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. При назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества, суд учитывает большое количество факторов, необходимых для принятия правильного решения при назначении наказания. Однако осужденные, которые, по мнению суда, могут пройти процесс исправления без изоляции от общества, совершают преступления. Факторов, влияющих на негативное поведение осужденного, множество, что требует дополнительного анализа. Результаты проведенного исследования должны послужить для разработки инструкции по предупреждению рецидива преступлений при исполнении наказания без изоляции от общества.

Библиографический список

1. Бедняков И. Л. Исполнение наказаний без изоляции от общества: проблемы и перспективы / И. Л. Беднякова, О. Н. Ежова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2014. – № 1(30). – С. 69–74.
2. Звонов А. В. Содержание кары уголовно-го наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор / А. В. Звонов // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4(95). – С. 82–88.
3. Колесникова Н. Е. Организация психологической работы с женщинами, отбывающими наказание без изоляции от общества / Н. Е. Колесникова // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2015. – №1. – С.76–82.
4. Расторопов С. В. Условное осуждение: законодательная регламентация и практика применения : монография / С. В. Расторопов, А. В. Звонов, С. А. Пичугин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 296 с.
5. Руденко А. С. Вопросы исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией / А. С. Руденко, А. В. Звонов // Вестн. ин-та: преступление, наказание, испр. – 2015. – № 2(30). – С. 28–31.

References

1. Bednyakov I. L., Ezhova O. N. Execution of Punishment without Isolation from Society: Problems and Prospects. *Vestnik Vladimirskego Yuridicheskogo Instituta*. 2014. No. 1(30). P. 69–74.
2. Zvonov A. V. The Content of the Penalty of Criminal Punishment in the Form of Deprivation of the Right to Hold Certain Posts or Engage in Certain Activities: a Brief Overview. *Chelovek: Prestuplenie i Nakazanie*. 2016. No. 4(95). P. 82–88.
3. Kolesnikova N. E. Organization of Psychological Work with Women Serving Sentences without Isolation from Society. *Psikhopedagogika v Pravookhranitel'ny'kh Organakh*. 2015. No. 1. P. 76–82.
4. Rastoropov S. V., Zvonov A. V., Pichugin S. A. Conditional Condemnation: Legislative Regulation and Application Practice. M., Yurlitinform, 2013. 296 p.
5. Rudenko A. S., Zvonov A. V. Issues of Execution of Postponement of Punishment for Patients with Drug Addiction. *Vestnik Instituta: Prestuplenie, Nakazanie, Ispravlenie*. 2015. No. 2(30). P. 28–31.

УДК 343.83

Овчинников Алексей Юрьевич,

**ЗНАЧЕНИЕ РУКОПАШНОГО БОЯ КАК СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНОГО ВИДА
СПОРТА ДЛЯ НЕСЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

Аннотация. Статья посвящена обоснованию той роли, которую играет рукопашный бой в формировании необходимых компетенций при подготовке специалистов для уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: рукопашный бой; уголовно-исполнительная система; сотрудник; профессиональная деятельность; подготовка.

Ovchinnikov Aleksey Yu.,

**THE SIGNIFICANCE OF HAND-TO-HAND COMBAT AS A SERVICE-APPLIED
SPORT FOR PROFESSIONAL SERVICE IN THE PENAL SYSTEM**

Abstract. The article is devoted to the justification of the role played by hand-to-hand combat in the formation of the necessary competences in training specialists for the penal system.

Key words: hand-to-hand combat; penal system; employee; professional activity; training.

В настоящее время рукопашный бой пользуются большой популярностью среди всех категорий граждан Российской Федерации и за ее пределами. По данным статистической отчетности, в России рукопашным боем занимаются более 3 млн чел. Интерес к этому виду спорта привел к быстрому росту числа секций и клубов, развивающих рукопашный бой, а также числа занимающихся в них любителей и профессиональных спортсменов. Общероссийская общественная организация «Федерация рукопашного боя», возглавляемая заслуженным тренером России Дмитрием Эдуардовичем Ивановым, объединяет региональные отделения 72 субъектов Российской Федерации. Рукопашный бой внесен в Единую всероссийскую спортивную классификацию, утвержденную Министерством спорта Российской Фе-

дерации 1 января 2018 г. сроком на 4 года. Спортсмены и тренеры по результатам выступления на всероссийских и международных спортивных соревнованиях имеют право на присвоение спортивных и почетных званий: «мастер спорта России», «мастер спорта международного класса», «заслуженный мастер спорта России», «заслуженный тренер России».

В период с 2008 г. по настоящее время возрос интерес к рукопашному бою на международной арене. Он стал популярным в таких странах, как США, Канада, страны СНГ, Европы и Азии. В период с 2008 по 2018 г. было проведено 4 чемпионата мира, 5 чемпионатов Европы, 7 кубков мира по рукопашному бою, организаторами соревнований стали Международная федерация рукопашного боя и Общероссийская общественная организация «Федерация рукопашного боя».

Наряду с ростом популярности рукопашного боя на всероссийской и международной аренах, данный вид спорта активно развивается среди сотрудников силовых министерств и ведомств Российской Федерации, являясь служебно-прикладным видом спорта в МВД России, ФСБ России и ФСИН России. В ходе соревнований и тренировочном процессе сотрудники силовых структур проявляют специальные знания, умения и навыки, которые востребованы в их повседневной служебной деятельности. В современных условиях жизни к сотрудникам правоохранительных органов предъявляются высокие требования, в том числе по развитию физической культуры личности, которая должна эффективно формировать культуру духовную. В этом процессе немаловажную роль играет такой вид спорта, как рукопашный бой.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) сопряжена с тяжелыми и опасными для жизни и здоровья условиями, необходимостью оперативно выполнять служебно-оперативные задачи в обстановке стресса, нервно-психического и эмоционального напряжения в непосредственной близости и контакте с преступниками. Все это требует от сотрудников чрезвычайной мобилизации физических и психофизиологических резервов организма. При этом большинство вновь принятых на службу сотрудников УИС имеют изначально низкий уровень мотивации к изучению приемов и действий единоборств. Во многом это связано с влиянием неблагоприятных факторов профессиональной деятельности, характеризующейся психологически напряженным ритмом жизни,

строгим выполнением элементов распорядка дня, обусловленным рационом питания, повышенной эмоциональной и конфликтной напряженностью в коллективе, вынужденным пропуском ряда занятий из-за болезней и несения службы в наряде¹.

Одним из действенных средств, необходимых для профессиональной подготовки, формирующим у сотрудников ФСИН России уверенность в собственных силах, является рукопашный бой, возможности которого, однако, используются в недостаточной степени. Недостаточный уровень развития навыков рукопашного боя, профессиональной и психологической подготовленности нередко приводит к неоправданным потерям личного состава учреждений и органов УИС².

В связи с вышеизложенным в числе главных направлений деятельности ФСИН России выступает повышение уровня освоения сотрудниками приемов рукопашного боя. Обучение приемам рукопашного боя является важнейшим компонентом в приобретении необходимых компетенций при подготовке специалистов для УИС и осуществляется в соответствии с приказом Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профес-

¹ Помогаева Н. С., Янченков Ю. А. Оптимизация содержания приемов и действий в обучении сотрудников подразделений конвоирования ФСИН России рукопашному бою с автоматом // Научное обозрение. Пед. науки. 2018. № 3. С. 54.

² Болотин А. Э., Эрастов А. Е. Технология профессиональной подготовки специальных подразделений ФСИН России с использованием рукопашного боя // Учен. зап. Ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2013. № 4(98). С. 17.

сиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы».

Приобретение необходимых компетенций по освоению приемов рукопашного боя возможно при прохождении сотрудниками УИС программы обучения «Программа подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы по рукопашному бою»¹. В программу подготовки сотрудников УИС по рукопашному бою включены двенадцать основных тем:

1. Рукопашный бой в профессиональной деятельности сотрудников УИС.
2. Специальные подготовительные упражнения.
3. Силовое задержание броском, боковым или удушающим приемом.
4. Приемы задержания и сопровождения.

¹ Программа подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы по рукопашному бою / сост. А. Ю. Овчинников. Владимир. 2018. 22 с.

Библиографический список

1. Болотин А. Э. Технология профессиональной подготовки специальных подразделений ФСИН России с использованием рукопашного боя / А. Э. Болотин, А. Е. Эрастов // Учён. зап. ун-та им. П. Ф. Лесгафта. – 2013. – № 4(98). – С. 15–21.
2. Помогаева Н. С. Оптимизация содержания приемов и действий в обучении сотрудников подразделений конвоирования ФСИН России рукопашному бою с автоматом / Н. С. Помогаева, Ю. А. Янченков // Научное обозрение. Пед. науки. – 2018. – № 3. – С. 54–57.
3. Программа подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы по рукопашному бою / сост. А. Ю. Овчинников. – Владимир : [б. и.], 2018. – 22 с.

5. Удары и защита от ударов.

6. Способы освобождения от захватов и обхватов.

7. Защита от ударов вооруженного и невооруженного преступника.

8. Способы обезоруживания при угрозе применения оружия в упор.

9. Личный досмотр.

10. Способы надевания наручников и связывания.

11. Способы помощи и взаимодействия.

12. Применение приемов рукопашного боя в ограниченном пространстве.

Освоение данной программы подготовки сотрудниками УИС, а также юридически обоснованное применение боевых приемов борьбы при обезвреживании и задержании правонарушителя будут способствовать эффективному выполнению сотрудниками ФСИН России своих служебных обязанностей.

References

1. Bolotin A. E., Erastov A. E. Technology Professional Training of Special Units of the FPS of Russia Using Hand-to-hand Combat. *Uchyony'e Zapiski Universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2013. No. 4(98). P. 15–21.
2. Pomogaeva N. S., Yanchenkov Yu. A. Optimization of the Content of Techniques and Actions in the Training of Employees of the Convoy Units of the FPS of Russia in Hand-to-hand Combat with a Machine Gun. *Nauchnoe Obozrenie. Pedagogicheskie Nauki*. 2018. No. 3. P. 54–57.
3. Training Program for the Staff of the Penal System for Fighting. Compl. A. Yu. Ovchinnikov. Vladimir, s. n., 2018. 22 p.

Ахмедов Микаэль Насреддинович,

**ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА»**

Akhmedov Mikae'l' N.,

**REPORT ON THE CONDUCT OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE «ACTUAL PROBLEMS OF PUBLIC LAW»**

15 и 16 ноября 2018 г. в опорном университете Владимирской области состоялась уже вошедшая в традицию Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы публичного права». На два дня ВлГУ превратился в площадку обмена опытом, общения и бурных дискуссий для студентов-юристов, преподавателей, ученых и работников правоприменительных органов. Инициаторами конференции выступили кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью и уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ (далее: ЮИ ВлГУ).

Конференция открылась пленарным заседанием. С приветственными словами выступили директор ЮИ ВлГУ Третьякова Ольга Дмитриевна и директор Педагогического института ВлГУ Артамонова Марина Владимировна. В работе конференции приняли участие практикующие юристы, преподаватели и студенты из ВлГУ и других вузов, представляющих Российскую Федерацию, Республику Беларусь и Республику Азербайджан.

В. О. Миронов, открывший представление научных докладов на пленарном заседании, затронул деятельность Конституционного Суда России в сентябре – октябре 1993 г. Выступление было интересным и познавательным, приуроченным к 25-летию принятия Конституции Российской Федерации.

Почетным гостем пленарного заседания стал профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор базовой кафедры судебной деятельности ЮИ ВлГУ доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Гаврилов Борис Яковлевич, ведущий специалист в области уголовного процесса, а также криминологии. На конференции им была дана оценка современной уголовной политики России через призму деятельности органов внутренних дел и уголовно-правовой статистики. Борис Яковлевич проанализировал причины принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и внесенных впоследствии в него изменений и дополнений, обозначил актуальные проблемы в сфере расследования уголовных дел, а также определил основные тенденции и перспективы уголовного судопроизводства в России.

В выступлениях доктора юридических наук, профессора Татьяны Алексеевны Ткачук и доктора юридических наук, профессора Ирины Викторовны Головин-

ской были подняты проблемы правового регулирования российского уголовного судопроизводства, реализации государственных функций по правоохране, прогнозирования конфликтных ситуаций при расследовании коррупционных преступлений, а также высказывались авторские позиции по их решению.

Пленарное заседание конференции завершил доктор юридических наук, доцент Анатолий Николаевич Миронов, чей доклад был посвящен основным направлениям совершенствования административно-правового регулирования в Российской Федерации.

Затем работа конференции продолжилась в формате круглого стола, гостями которого стали ведущие практики, ученые и преподаватели, специализирующиеся на публичных отраслях российского права. В своих выступлениях они подняли наиболее острые проблемы и вопросы, касающиеся последних изменений в российском законодательстве. Жаркая дискуссия развернулась относительно изменений, внесенных в Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» и отдельные федеральные законы в связи с созданием кассационных и апелляционных судов по уголовным делам. Обсуждались также поправки, внесенные в ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации. Суть их заключается в порядке и времени зачета содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу в срок отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы. Среди выступающих по данной проблеме была высказана озабоченность по поводу соблюдения данных правил применительно к гражданам, освободившимся из мест лишения свободы, для исчисления сроков погашения или снятия судимости.

Кроме того, участники конференции активно обсуждали такие темы, как: права и свободы несовершеннолетних как комплексный институт публичного права; последствия нарушения презумпции невиновности при принятии судом промежуточного решения; проблемы государства и права в исторической ретроспективе; новые траектории управленческих решений и проблемы обеспечения прав и свобод личности; лингвистическая методология противодействия экстремизму и терроризму в текстовых источниках информации; актуальные проблемы конституционного и муниципального права.

Во второй день конференция продолжилась в формате научных секций, а именно: «Актуальные проблемы административного права и процесса», «Реализация норм уголовного закона на стадиях уголовного судопроизводства», «Проблемы реализации и эффективности уголовной ответственности», «Проблемы обеспечения защиты прав и свобод личности в Российской Федерации», «Новые траектории управленческих решений», «Предупреждение и противодействие преступлениям и правонарушениям», «Актуальные проблемы реализации государственных функций по правоохране и социальному обеспечению», «Лингвистическая методология противодействия экстремизму и терроризму в текстовых источниках информации».

В рамках конференции также прошел еще один круглый стол «Публичная власть и гражданское общество: усилия по противодействию коррупции». Организаторами выступили Следственное управление Следственного комитета

РФ по Владимирской области, Юридический институт ВлГУ, Центр правового просвещения, формирования толерантности, противодействия экстремизму и коррупции при ВлГУ.

Целью круглого стола стало обсуждение состояния и тенденций в сфере противодействия коррупции как со стороны публичной власти, так и институтов гражданского общества в повседневной деятельности и в их взаимодействии друг с другом.

Очень приятно отметить, что в этом году работа абсолютно каждой секции прошла максимально оживленно и продуктивно. Главная цель достигнута! Участники смогли не только представить подготовленные заранее доклады, но и обсудить действительно актуальные вопросы в кругу заинтересованных единомышленников – по итогам работы секций участники не только получили сертификаты и дипломы, но и приобрели полезный опыт, новые знакомства и положительные впечатления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Валентик Марина Сергеевна,
студент 3-го курса
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: marinalumen@mail.ru

Valentik Marina S.,
Student 3th Course of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU

Гаджиев Джамидин Татжитдинович,
старший преподаватель
кафедры физической подготовки
ВЮИ ФСИН России
E-mail: gadzhiev1984@yandex.ru

Gadzhiev Dzhamidin T.,
Senior Lecturer of Physical Training
Department of VLI of the FPS of Russia

Звонов Андрей Викторович,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: zvonov_av@mail.ru

Zvonov Andrej V.,
Assistant Professor of Criminal Law
Studies Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Кабанов Вячеслав Алексеевич,
доцент кафедры менеджмента
Владимирского филиала РАНХиГС
кандидат психологических наук
E-mail: krimvggu@mail.ru

Kabanov Vyacheslav A.,
Assistant Professor of Management
Department of Vladimir Branch
of the RANEPА
PhD (Psychology)

Каламкарян Рубен Амаякович,
ведущий научный сотрудник сектора
международно-правовых исследований
Института государства и права РАН,
профессор кафедры международного
права и внешнеэкономической
деятельности Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Kalamkaryan Ruben A.
Leading Researcher of International Law
Researcher Sector of Institute of State
and Law of the Russian Academy of Sciences,
Professor of International Law and Foreign
Economic Activity Department
of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
Doctor of Law, Professor

Каляшин Андрей Владимирович,
заместитель начальника кафедры
управления и административно-правовых
дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: krimvggu@mail.ru

Kalyashin Andrej V.,
Deputy Head of Management
and Administrative Law Department
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Карпов Олег Вячеславович,
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
E-mail: krimvggu@mail.ru

Кулакова Анна Александровна
доцент кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: annakulakova33@yandex.ru

Марков Андрей Михайлович,
начальник апелляционного отдела
уголовно-судебного управления
прокуратуры Владимирской области
E-mail: krimvggu@mail.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального
управления Владимирского филиала
РАНХиГС
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Urgantft@mail.ru

Неряхин Артём Игоревич,
ассистент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: neryakhinartem@gmail.ru

Новиков Сергей Степанович,
профессор кафедры теории и истории
государства и права ВЮИ ФСИН России,
профессор кафедры международного
права и внешнеэкономической
деятельности Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор исторических наук, доцент
E-mail: novikov_sergey@bk.ru

Karpov Oleg V.,
Senior Lecturer of of Public Law Department
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

Kulakova A.A.
Assistant Professor of Civil Law
and Procedure Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Markov Andrej M.,
Chief of the Appeals Division Criminal
Court Administration the Prosecutor's
Office of Vladimir Region

Mikhajlov Aleksej E.,
Assistant Professor of Legal Support
of State and Municipal Management
Department of Vladimir Branch of RANEPА,
PhD (Law), Associate Professor

Neryakhin Artyom I.,
Assistant of Criminal Law Studies
Department of Law Institute University
named after M. M. Speransky of VISU

Novikov Sergej S.,
Professor of International Law
and Foreign Economics Affairs
of Law Institute of Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletovs
Doctor of History, Associate Professor

Овчинников Алексей Юрьевич,
заместитель начальника кафедры
физической подготовки
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук
заслуженный тренер России
E-mail: ovchinnikovau73@mail.ru

Пикин Иван Викторович,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: vipikin@mail.ru

Яковлев Андрей Алексеевич,
преподаватель кафедры организации
режима и надзора
юридического факультета
ВЮИ ФСИН России,
аспирант Владимирского государственного
университета им. А.Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: Yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

Ovchinnikov Aleksey Yu.,
Deputy Head of Physical Training
Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Pedagogy)
Honored Coach of Russia

Pikin Ivan V.,
Assistant Professor of Criminal Law
and Criminology Department of VLI
of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Yakovlev Andrej A.,
Lecturer of Organization
of the Supervision Regime Department
of VLI of the FPS of Russia,
Post-graduate Student
of the Vladimir State University named after
A. G. and N. G. Stoletovs